

Андрей НИКОНОВ

Серия '4Лорд'

Книга 1 - Пришелец с Земли

Книга 2 - Вторжение

ВТОРЖЕНИЕ

Четвёртый лорд, книга 2

Андрей Никонов
Вторжение. Четвертый
Лорд. Книга 2
Серия «4-й лорд Звёздной Империи»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70206022
SelfPub; 2023*

Аннотация

Чужие захватили звёздную систему Конфедерации, и уничтожают людей. Осколки флотов пытаются сопротивляться, но враг слишком силён и опасен. И у него есть цель. Вот только какая – никто пока что не знает. В это время Империю сотрясают внутренние проблемы, бывшие мятежники готовы на всё, чтобы взять реванш.

Содержание

Пролог.	4
Глава 1.	6
Глава 2.	19
Глава 3.	33
Глава 4.	47
Глава 5.	60
Глава 6.	74
Глава 7.	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Андрей Никонов

Вторжение. Четвертый Лорд. Книга 2

Пролог.

Небольшой челнок скользил среди обломков. Среди – это громко сказано, отдельные части кораблей разлетелись на огромное расстояние, и их разделяла не одна сотня километров, но постепенно, под действием сил гравитации, все они начинали собираться в кучки, и когда-нибудь, через тысячи лет, слепятся вместе.

Перед челноком летели два десятка зондов. Обнаружив что-то, заслуживающее внимания, они замедлялись, проверяя, стоит ли улов усилий. Конкретно в этой области звёздной системы были уничтожены корабли Союза окраинных планет, небольшая экспедиция искала тех, кто ещё мог выжить, некоторые аварийные маячки повредились при взрывах, и у таких пропавших астронавтов был шанс.

Висящий в двух тысячах километров прямо по курсу небольшой корабль-параллелепипед, разорванный пополам, видимо, с работающим ещё сканером, активировавшимся

при приближении челнока, начал подавать сигналы бедствия. Космический аппарат вместо того, чтобы прийти на помощь, наоборот, начал гасить инерцию, отклоняясь в сторону от препятствия, и втягивая в себя зонды.

Успел. Буквально через несколько минут откуда-то вынырнул ещё один корабль, узкий и длинный, как спица, приблизившись к подающему сигналы кораблю, содрогнулся, словно выталкивая что-то из себя, и цель начало рвать на кусочки. Сначала крупные, а уже те – на все более мелкие, пока от решившего себя обозначить бедолаги ничего не осталось. Чёрная спица сжалась, превращаясь в эллипсоид, и исчезла.

Челнок осторожно, со скоростью не больше тысячи в минуту, отправился дальше, собирая добычу. Снова вступивший в игру зонд подал сигнал, силовой захват выбросило на два десятка километров, энергетическое лассо захватило оранжевый скафандр с человеком внутри, и подтащило к кораблику.

Глава 1.

Голова раскалывалась на части, словно внутри черепа кто-то пытался выбраться наружу. Бьющий в глаза яркий белый свет этому способствовал, внутричерепной жилец явно лез на него.

– Очнулся? – слышался чей-то голос.

Я попытался открыть сначала правый глаз, потом левый, но максимум, чего добился, это крохотной щёлочки в миллиметр. Светлые глаза, практически без радужки, смотрели на меня в упор. Инфракрасное зрение фиксировало что-то странное, будто передо мной был не человек – живых людей комнатной температуры не бывает. Долго раздумывать над этим не дали, в губы ткнулось что-то твёрдое и мокрое, я рефлексивно глотнул, и в рот потекла солоноватая жидкость.

– Лежи спокойно, не двигайся и не разговаривай, а то мышцы гортани порвёшь, – почти такой же голос раздался с другой стороны. – С обычными людьми вечно одни проблемы.

– Нет, с этим явно что-то делали, смотри, как быстро восстанавливается, – возразил первый. – Кожа точно модифицированная, и правый глаз с начинкой. Второй уровень, не меньше.

– Тебе лучше знать, ты у нас спец по натуралам, – вто-

рой хихикнул. Вторая, точно. Голос хоть и хрипловатый, но больше женский, чем мужской. – Эй, человек.

– Где я? – прохрипел, чувствуя, что горло жжёт и саднит. Значит, или ангина, или наноботы в крови наконец-то делом занялись.

– Тяжёлый корабль поддержки флота Республики, – с легким презрением ответил первый собеседник. – Или, точнее, то, что от него осталось.

– Значит, вы республиканцы?

– Мы тебя спасли, а ты нас обидеть хочешь, – женщина пихнула меня в бок, – поднимайся. И так на тебя почти треть катриджа ушло, а новые пока не завезли.

Кое-как вылез из капсулы, чувствуя, что в одеревеневшие конечности постепенно возвращается тепло. На мне была та же одежда, в которой я удирал с планеты в дружной компании республиканцев и Эри, комбез лежал возле медицинского автомата, так что я по привычке его сразу и надел. Мои спасители, по крайней мере они так себя назвали, были чуть выше меня ростом, с синеватой, практически без перепадов оттенка, кожей, почти одинаковыми лицами, короткими ёжиками белых до прозрачности волос, и водянистыми глазами. Оба – в белых комбинезонах с какой-то замысловатой эмблемой на левом плече, с виду доходяги, хотя, судя по хватке мужчины, который помогал мне встать, силы там имелись. Он – пошире в плечах, она – с выступающей гру-

дью, а так словно близнецы.

– Скаф тоже нацепи, на всякий случай, – посоветовала женщина, – тут кислород не везде есть, и давление скачет до вакуума иногда, мы тебе хотели стимуляцию колонии сделать, но наниты уж больно мудрёные, не стали рисковать. Откуда у раба конфедератов такие, спрашивать не буду.

– С чего ты взяла, что я – раб? – зарастил скаф до шеи, проверил системы – почти все ресурсы были на нуле.

– По одежке твоей, сколько вас тут копалось в земле и на камушках, тысяч триста-четырееста, наверное? – собеседница подтолкнула меня к герм-шлюзу. – Эти клоны сами работать не любят, покупают вот таких, как ты. А старые имперские скафы здесь на каждом втором, модель устаревшая, но надёжная, до сих пор на складах их полно. Повезло, что среди астероидов оказался, те, кто на планетах, им совсем плохо приходится.

– Бойкий слишком, – хмыкнул мужчина. – Может проще сразу обратно в пустоту выбросить?

– Нет уж, – я уже почти пришёл в себя, попытался связаться хоть с кем-то, но сети не обнаружили. – Раз спасли, теперь будете меня кормить и поить, это называется – ответственность.

– Не мы тебя спасали, не нам и кормить, – усмехнулась женщина.

То, что эти двое – синты, в принципе, и так было понятно. От человека оставался только мозг и некоторые нервные уз-

лы, на которые сажались сопрягающие био-адаптеры, связывающие новое тело со старым сознанием. Кожа, скелет, внутренние органы, все заменялось, навроде моего глаза. Вместо крови – как правило голубоватая жидкость, служащая для самовосстановления и переноса нужных веществ, биохимические процессы хоть и сохранялись, но резко упрощались, новый, усовершенствованный организм мог и слышать, и видеть, и чувствовать вкус и запах, и даже есть, пить. При желании – имитация желудка функционировала по принципу биореактора, и могла даже совершенно несъедобные вещи перерабатывать. Дешёвые варианты передачу привычных сигналов в мозг не поддерживали, а вот те, что шагали по пустым и темным переходам корабля рядом со мной, явно были продвинутыми моделями. Даже разговаривали как люди, напрягая связки, значит, и подобие лёгких у них присутствовало.

Конфедераты синтов не жаловали, в Федерации тоже относились к переделанным людям с осторожностью – не уничтожали, но и не поощряли полную замену организма. У республиканцев традиционный взгляд на семейные ценности позволял синтам существовать только в ранге слуг, или в продвинутом виде, с очень дорогими дополнениями, когда собственное тело становилось слишком дряхлым. Оставались Кольцо, в котором не было никаких запретов, и Союз окраинных планет, там такие вещи практиковали широко, многие, у кого были средства, в сознательном возрасте рас-

ставались с собственными телами, и приобретали вот такую замену. По мне, так неплохое решение, человеческий организм для функций сознания избыточно сложен, с простой задачей – обеспечением мозга питательными веществами и отводом накопившихся шлаков можно справиться и гораздо менее затратными способами. Не носить в кишках три кило бактерий, не выделять ферменты, которые часто просто мешают друг другу, да и гормоны постоянно идут вразнос, не расщеплять белки на аминокислоты нерациональным способом. А уж энергетический цикл, питающий мышцы, это вообще за пределами логики – такое впечатление, что природа, когда создавала человека, пыталась подогнать обменные процессы под явно бракованный экземпляр.

Так что, глядя, как спокойно мои провожатые чувствуют себя в разреженном воздухе при температурах гораздо ниже нуля, я только позавидовал. Мне без скафа тут бы тяжело пришлось. Постучал по виску, мол, можем поговорить и не открывая рта, но женщина отрицательно покачала головой. И тут же помахала рукой ещё одному в белоснежном комбинезоне, встреченный нами обитатель республиканского корабля ковырялся в промежуточном блоке управления, прямо на месте восстанавливая узлы. Рядом валялись детали, которые от вибрации подпрыгивали и зависали на мгновение в воздухе – гравитация была слабая, где-то в десятую от стандартной.

Мы прошли через бывший десантный отсек, здесь сквозь

пробоину в обшивке виднелись звезды, здесь воздуха не было вообще, и даже синты нарастили себе прозрачные шлемы. Потом через ангар, где в углу сиротливо приткнулись несколько штурмовиков сигарообразной формы, возле которых двое техников при помощи дронов разгружали какие-то коробки, и оттуда уже через тоннель попали в просторный холл. В ангате атмосфера была приближена к стандартной, я смог наконец вдохнуть полной грудью воздух, чуть отдававший чем-то металлическим.

– Переговоры через коммы и линки запрещены, – предупредил меня мужчина. – Кстати, я Тойо, медик колонии. А это моя подруга, Тойола.

Женщина мне подмигнула. Прижалась к приятелю бедром. Надо же, значит, у них наверняка замена по полной программе сделана, считай, полноценный человек, только лучше – ни болезней, ни голода. Даже чувство боли наверняка есть, очень слабое, но все равно, не позволяющее забыть, что ты из людей, а не из машин.

– Тебя хочет видеть наш сенард, – продолжал Тойо. – Сейчас ритуалы временно отменены, падать на колени, тереться носом об пол и биться головой о стену не нужно.

– И не собирался, – ответил я. – Вы ведь с Окраинных планет, верно?

– Если только сейчас до тебя это дошло, то выходит, зря спасали, тут тугодумам не место, – усмехнулась Тойола. – У нас дела, а ты иди вперёд, там будет капитанская рубка, се-

нард сейчас как раз закончил разнос своим леасам устраи-
вать, настроение хорошее, так что, может, и выживешь.

И выставил вперёд кулак.

У нас среди охранников был один парень из Союза, не та-
кой чистокровный синт, как эти, молодой ещё, почти не мо-
дифицированный, так он кое-что рассказывал, поэтому к та-
кому жесту я был готов. Дотронулся своим кулаком до кула-
ка Тойо, мы одновременно выставили большие пальцы, а вот
подушечками соприкоснуться не стали, не настолько близкие
друзья.

Стоило мне потянуться к панели, открывающей проход,
как он открылся сам, и из рубки выскочила девушка с татуи-
ровкой на щеке – эту от обычного человека вообще не отли-
чить было, даже температура тела такая же. Чтобы выделиться
и обозначить принадлежность к высшей расе улучшенных
людей, она рисунок себе нанесла. Едва на меня взглянув, де-
вушка решительно направилась в сторону холла, а я на се-
кунду застыл на месте. С одной стороны, понятно, что кукла
силиконовая с подогревом, таких к нам на Весту завозили,
какую хочешь заказывай, хоть с лицом знаменитости, хоть с
хвостом – всякие извращения бывают. А с другой, красotka.
И в голове не начинка с сетевым ИИ, а наверняка настоящий
мозг.

Рубка была абсолютно пуста, если не считать экрана, по-
крывающего стены и пол, и стоящего на этом полу коре-
настого мужчину средних лет, в мундире республиканского

флота. Что означают семнадцать полосок разной ширины на левом рукаве, я не знал, но, наверное, это было что-то очень внушительное. Судя по засилию синтов, республиканца я тут не должен был встретить никак. Но встретил – местный сенард именно им и был.

Заметив мой ошарашенный взгляд, командир корабля нахмурился. Чуть-чуть. И взгляд такой у него был, словно таракана увидел.

– Проблемы, абуро?

– Никаких, олори, – я вытянулся и приложил руку к груди, демонстрируя, что в душе я республиканец, каких поискать.

– Ты ещё здесь никто, чтобы меня командиром называть, – мужчина равнодушно покачал головой, бросил мне пластину. – Приложи к своему комму.

Я подхватил синий прямоугольник, дотронулся до нащёпки рядом с виском. Симбионт никак себя не проявил, вообще с момента пробуждения я его даже не чувствовал, словно тот растворился. Но что-то подсказывало мне, что – нет, сидит где-то в гипоталамусе, гад, и ждёт своего подлого часа.

– Пусто, – с некоторым разочарованием республиканец отобрал считыватель, приложил к своему браслету. – Странно, а штука явно имперская, и из старых. Где взял?

– Для пилотирования, – туманно объяснил я, но почему-то такой вариант собеседника удовлетворил, на первый взгляд.

– Что последнее помнишь?

– Атаку. Мы летели в направлении пояса астероидов, и тут появились ребята из Союза окраинных планет, их так наша система связи идентифицировала. Одна торпеда попала в двигатель, и выбила его, а вторая – прямо в панель управления. Пилот погиб, а меня, видимо, выбросило, только не помню ничего.

– Совсем ничего? И открывшийся портал – тоже? – сенард с подозрением на меня поглядел.

– Про портал слышал, прямо перед атакой, – не стал я скрывать, а то ещё и на этом проколюсь. – Только ничего не понял. Он же нулевой, разве не так, только с миром конфедератов связан? И откуда тут все эти корабли?

– Имя и инвентарный номер? – ничего не стал объяснять республиканец.

Я назвал. Судя по всему, тут случилось что-то экстраординарное, не будут ребята из Союза просто так военному флоту Республики подчиняться.

Мужчина прикрыл глаза, связываясь с кем-то, потом моргнул.

– Из предпоследней партии? – и, дождавшись, когда я кивну, продолжил, – на твоё счастье, все данные по твоим отрядам недоступны, так что проверить пока не могу. Чем занимался?

Про то, что я был охранником, видимо, лучше было не говорить – занятие это мало сочеталось с перелётами в асте-

роидном поясе, но я все же сказал. Только добавил, что в основном как раз добычей ресурсов занимался, опыт соответствующий имеется, и здесь, на зоне у конфедератов, и до этого, в Федерации.

Мужик оказался не совсем в теме, задал несколько вопросов, я кое-как ответил, и, похоже, угадал.

– Держи, – он кинул мне браслет, один в один такой же, как у него самого на руке. – Связь только через него, можешь с линком своим связать. Все остальные вопросы – не ко мне, тебя Йолана нашла, вот пусть она и занимается. В прежнее время я бы тебя ребятам из службы безопасности отдал, но теперь время другое, приходится даже с такими, как ты, работать. Испытательный срок – неделя, проколешься, будешь снова в пустоте болтаться, только уже без скафа и медблока. А теперь проваливай.

Что я и сделал с огромным удовольствием. Республиканцы, сколько я их встречал, все как один были те ещё напыщенные засранцы, этот – не исключение. Кто такая Йолана, я, естественно, не знал, а мои знакомые куда-то исчезли, так что я как дурак стоял в холле и спрашивал изредка проходящих через него синтов и людей, где мне ее найти. Но вскоре тактику пришлось поменять – на пять одинаковых вопросов я получил пять разных ответов. Эта Йолана перемещалась по раздолбанному кораблю со скоростью хопера, или их было несколько, и каждая именно та, которая мне нужна.

Отловив шестого аборигена, я поставил вопрос ребром.

– Где тут кормят?

– Новенький? – очередной синт, идеальный до невозможности, с черными радужками во весь глаз, очень торопился, но поболтать был не прочь. – Пожрать охота?

– Ещё как, – подтвердил я.

– Немудрено, общий год в пустоте провести, наслышан о тебе. Идешь вон в тот проход, через двести метров будет пищеблок, сразу его увидишь. Только скаф не забудь зарастить, по пути есть открытые пространства, силовое поле нестабильно и иногда его прорывает. Может, тебя проводить? Постоить тут полчаса, я вернусь, и покажу.

– Разберусь. Или, может, тебе помочь надо?

Синт только головой покачал, с сомнением на меня поглядел сверху вниз, и умчался. А то сделали бы чего-то вместе, труд – он сближает, а мне тут нужен хоть какой-то источник информации. Хотя бы для того, чтобы узнать, что я целый год делал, болтаясь в космосе, как вообще там выжил, и зачем в системе оказались люди с окраин, обычно делами других государств не интересующиеся.

Найти местную столовку я смог со второго раза. Разговорчивый синт оказался тем ещё гадом, и вместо пищеблока направил меня в отсек переработки. Ну да, чего бы не подшутить над простачком. Зато там узнал много нового, трое тамошних мастеров-республиканцев и показали, и рассказали, что делается с отходами на корабле, благо от тех жителей

окраин, которые уже поменяли тело на кукольное, этой дрянью было немного – они-то как раз перерабатывали все без остатка. Но, кроме них, в команде и обычных людей хватало.

– Все они тут сволочи, – пожилой республиканец, разговаривая со мной, одновременно что-то настраивал на панели рециркулятора. – Дерьмо могут жрать, и не морщиться. Ты из местных? Ну которые на конфедератов работали?

– Ага, – кивнул я.

– А сам откуда? Федерал, небось? – другой ассенизатор презрительно сплюнул. – Тут вам и место, среди падали. Ничего, синты тебя спасли, будешь теперь на них спину гнуть, суки, если не чужие, раздавили бы этих уродов, мокрого места от них бы не осталось.

Так я услышал первую версию нападения.

По словам республиканцев, они всего лишь хотели воспользоваться общим правом на новые территории, для чего, на всякий случай, притащили в систему конфедератов мощный флот. Потому что эти клоны вообще недостойны иметь что-то ценное. И когда портал открылся, штурмовые группы всего лишь хотели оттеснить конфедератов от звёздных врат. Но те, мрази хитрожопые, спрятали часть своего флота за одной из ближних планет, и вероломно напали сзади, хотя в космосе понятие направления тыла условное. Доблестный республиканский флот порвал бы конфедератов как мех синта, но тут появились эти самые жители окраинных планет, которым лишь бы пограбить, и оттянули часть флота на

себя.

– Так кто портал-то открыл?

Я попытался вклинить в монолог, но на это мне ответили, что великая военная тайна не позволяет им раскрыть имя героя Республики, который, и это практически точно, с планеты Бийя.

– А потом появились эти червяки, и всех уничтожили, – подвёл итог старший мастер. – Что там творилось, ты наверняка сам видел. Нет? Сразу понятно, что ты из этих, которые рисковать не любят. Мы хоть и на второй линии были, но в бою участвовали, и наблюдали за этими тварями. От доблестных бойцов ничего не осталось, ну и остальным тоже не сладко пришлось, особенно конфедератам, тех просто испарили, а потому, что нечего мешать было, если сам ничего не умеешь. Ты зачем пришёл-то? Пищеблок искал? Так он в другой стороне, проваливай, а то настроение только портишь. Развелось вас тут на нашу голову.

Глава 2.

Может, только у меня с этими республиканцами такая несовместимость, но очень хотелось заехать по наглым мордасам всем троим, даже тому, который всю дорогу молчал, только глядел недобро. Но сдержался, сил-то особо не было после, как оказалось, продолжительного отдыха в открытом космосе. Поэтому решил все по порядку сделать, сначала правильное питание, а потом разборки. Как ни странно, угрюмые техники-ассенизаторы не обманули, и столовую я нашёл именно там, где они сказали. Одну часть просторного помещения с автоматами, расставленными по контуру, занимали привычные столики со скамьями, а другую – постеленные прямо на пол коврики. Все столы, кроме одного, были свободны, за единственным занятым сидело пятеро, все в республиканской форменной одежде, они что-то тихо бубнили друг другу в патриотичные лица, руками хватая с общего блюда красные липкие куски, и на меня внимания почти не обратили. А на ковриках расположились два десятка гостей с окраинных планет, по одному, максимум по двое, и порции у синтов были совсем крошечные, практически детские. Несколько кусочков на дощечках, выглядела эта еда тоже так себе, но тут уж привередничать не приходилось.

Стараясь не думать о том, что, возможно, сырьём для ав-

томатов служат те самые отходы, которые мои новые знакомые перерабатывали, я подошёл к пищевому модулю и приложил ладонь к считывающей панели. Автомат определил совместимость меня и продуктов, выдал несколько вариантов для выбора, потом тут же их убрал, и на столешнице появилась дощечка с такой же едой, как у синтов. Ладно, что там внутри содержалось, не так важно, я и кузнечиков ел, но порция мне досталась такая же, крохотная. Приложил ладонь ещё раз, автомат ответил оранжевой вспышкой, и больше ничего не выдал. Соседний – тоже, значит, между собой сговорились уже против меня.

На одном из ковриков сидела помощница главного, та, которая с татуировкой и силиконовым телом, она медленно жевала, прикрыв глаза, словно наслаждалась этой гадостью, пахнувшей, как просроченный кошачий корм. Место рядом с ней было свободно, более того – все места рядом были не заняты, словно у этой милой девушки какое-то заболевание нехорошее имелось. Я, человек, который провёл год в космосе, выжил, а потом ещё и ходить начал, и не только под себя, болезней не боялся. А если что-то спрашивать, то лучше у начальства, не факт, что остальные друг друга знают хорошо. Уселся рядом с ней, понюхал зеленовато-бурый кубик, сдержал рвотный позыв. Отчего-то все остальные уставились на меня, может, сделал чего не то, надо было там богам Окраины молитву прочитать, или первый осклизлый кусочек в воздух подбросить, в обычаях местной цивилизации

я не разобрался, так, нахватался по мелочи.

– Эй, – позвал я девушку, надеясь, что правильно запомнил её подчинённость. – Леас. Мне бы узнать.

Та никак не отреагировала. Наколола только ещё один неаппетитный кусок отходов, и отправила в рот. Тогда я тоже решил, существуют же продукты, которые только пахнут так себе, а на вкус просто язык проглотить, я не говорю про экваториальных жителей, которые и друг друга с удовольствием харчат, и гусениц, другие расы в этом отношении поизобретательнее. Китайцы, к примеру, те начали на юге Африки дуриан выращивать, воняет канализацией, но если нос зажать, то вполне съедобен. Может, эта штука тоже такая же.

Наколот кубик на шпажку, стараясь не нюхать, положил в рот. Нет, не такая. Одна моя знакомая, родом из Исландии, особо ценную исландскую гнилую рыбу приносила, чтобы нас, бедных студентов, угостить. Та и на запах, и на вкус одинаково отвратная была. Так этот кубик один как та блевотина исландская, в тот раз меня вырвало, вместе с остальными. А сейчас сдержался, просто выплюнул.

– Как вы это дерьмо только едите, – поискал глазами, где тут воду наливают, но все насухую жевали.

– Проваливай, если не нравится, – вдруг решила поддержать разговор девушка.

– Да, уже ухожу. Ты мне только скажи, где найти Йолану. Когда говорят, что мастер кунг-фу прямо-таки размазывается в воздухе, и движений его не видеть – врут. Знали и

мы таких, китайцы, они почему-то считают, что дар ниндзя у них в крови, и демонстрируют свои навыки по любому поводу, но инерцию как физическое явление никто не отменял. И когда девушка вдруг бросилась на меня, то, как она перемещалась, мой правый глаз фиксировал чётко. Постоянные нападения Эри даром не прошли, и, хоть времени с тех пор прошло порядочно, вбились в мышечную память. Не успела левая нога собеседницы впечататься мне в ухо, а я уже немного наклонился, словно отталкиваясь руками от дощечки, которую держал, та полетела девушке в лицо, а ногу я перехватил, крутанул, сгибая в колене, и через секунду сидел на незнакомке, а шпажка аккуратно напротив её глаза находилась. Совершенно дурацкий приём, синту хоть оба глаза выколи, он себе завтра новые вставит и ещё один запасной – в лоб, а тот защитный кокон, в который заключён мозг, если только из кинетической пушки пробить, или волновой поджарить, и то не факт, что удастся. Только отчего-то девушка замерла, вперившись взглядом в деревянное острие. Даже подумал, что она отключилась.

– Что-то мне подсказывает, что Йолана – это ты, – задумчиво произнёс я

А потом девушка крутанулась, выскальзывая из-под меня, захватила руку, в которой я держал, палочку, заломила её, и оказалась уже на мне. И теперь я любовался левым глазом на тот миллиметр, который остался до острия, а правым, более ценным, на потенциальную убийцу.

С помощницей капитана мы, как ни странно, поладили. Не сразу, но до откровенного членовредительства не дошло. К тому же как-то нехорошо убивать человека, пусть даже силиконового, который тебя спас. Йолана нашла меня двадцать дней назад, когда команда из четырёх ботов и одного штурмовика обследовала очередной куб пространства в поисках необходимых для небольшой колонии ресурсов. К тому времени картриджи скафа просели почти до нуля, ещё месяц-два, и летать мне застывшим органическим объектом, пока местная звезда не превратится в сверхновую.

Особого недовольства тем, что меня ей на шею посадили, почти искусственная девушка не высказала. Вообще какая-то не очень она общительная была, со своими односельчанами парой слов если и перекидывалась, то нехотя, а с республиканцами вообще кроме как по служебной необходимости не разговаривала, и то в основном по сети. Убедившись, что я способен управлять штурмовиком, Йолана провела короткий инструктаж, и потом, уже на вылете, только следила, чтобы я не напортачил.

– Правила простые, запомни, и останешься жив, – объяснила она, цедя слова, словно нехотя. – Связь включать только в крайнем случае, общая – отключена всегда. Твой пилотский модуль коммутируется внутри кабины, коды взломаны, так что имперский тоже подойдёт. Все сигналы между кораблями только в системных диапазонах, или двунаправ-

ленные на короткой дистанции по сигнальному лучу. Разогнаться больше двух тысяч в секунду нельзя, включать компенсатор инерции – тоже. Если кого из Чужих радар засечёт – двигатели в ноль, дальше по инерции, но обычно они просто так не нападают. Если в рейде что-то находим, отдаём бригаде буксировщиков. Личной добычи у нас нет, всё идёт на распределение сенарду. На тебе – проверка картриджей перед вылетом и пилотирование, я – стреляю и говорю, что делать. Хочешь поболтать, жди, когда вернёшься на базу, тут много любителей пустой болтовнёй заниматься вместо того, чтобы что-то полезное сделать.

Было видно, что от такой длинной речи девушка устала. И поэтому за весь первый рейд ни слова не проронила. За пультом штурмовика я себя чувствовал привычно, от того, что остался на планете, он отличался только более мощным двигателем и повышенной степенью защиты. И вооружением. И ложементами со специальными грав-компенсаторами. В общем, почти всем, и в лучшую сторону. При потенциальном разгоне до двадцатой световой, в разведывательных рейсах мы, считай, еле плелись, а уж когда приходилось сопровождать боты в полётах за найденной добычей, те едва набирали сотню километров в секунду, и то в хорошую звёздную погоду и налегке. Никакой романтики, сплошные тоскливые будни.

Головной корабль тоже мог передвигаться, он, как промышленное судно, таскался от одной космической помойки к

другой, набирая ресурсы для собственного выживания, потому что внешних поставок пока не предвиделось, а те обрабатывающие комплексы, которые ещё оставались целыми, кроме как добычей и рафинацией сырья ничем не занимались.

Полной картины того, что произошло, никто не знал, так, отрывочные сведения у каждой стороны были, и те данные, что передавались с головных кораблей на соединения поддержки. Оккупировавшие систему пришельцы легко разгромили и ту часть республиканского флота, которая пошла на прорыв к порталу, и флот конфедератов вместе с боевыми станциями, а потом занялись прорвавшимися кораблями Союза окраин. Ударные силы были уничтожены полностью, там даже обломков не осталось, на полученных записях крохотные кусочки чёрной материи рвали в клочья огромные корабли, так что в ближайшем приближении к звезде ничего ценного не осталось. Те же соединения, которые не успели к раздаче, более-менее уцелели.

И решили удрать из системы, только пришельцы им этого не позволили сделать. Подпространственные двигатели не работали, так же, как и общая связь, корабли просто выталкивало обратно, словно, наверняка у чужих было что-то, что блокировало их работу. На обычных внутрисистемных уйти тоже не удавалось, любой летательный аппарат, который разгонялся свыше определённой скорости, уничтожался небольшими и очень быстрыми эллипсоидами-истребителя-

ми захватчика, и к тому времени, когда это наконец-то поняли, девять десятых оставшихся кораблей вывели из строя, многие – вместе с частью экипажа. Но не в труху прямо, обездвижив цель, чужие тут же теряли к ней интерес. До тех пор, пока та не пыталась связаться с кем-то в других системах по общей связи – тогда возвращались, и добивали.

Первое время самые умные пытались отойти на достаточно большое от портала расстояние, и уже там врубить подпространственные движки, только из этого ничего не получалось, а истребители чужих на каждую такую попытку реагировали одинаково. И теперь сотни тысяч, а то и миллионы оставшихся военных, сбившихся в небольшие команды, навроде нашей, пытались как-то выжить, по сути, в капкане врага.

– И что, никто не пытался с ними бороться? – из всех обитателей нашей маленькой колонии нормальное общение получалось только с синт-медиками Тойо и Тойоле.

– Пытались, – Тойоле ковырялась палочкой на дощечке, выбирая самые неаппетитные кусочки. – Только обычный, системный сигнал идёт долго, иногда – неделями, что там творится возле портала, мы узнаем уже тогда, когда очередного смельчака расплыли на кварки. Если выполняешь правила, тебя не трогают, поэтому почти все успокоились.

– У чужих три барьера, которые они охраняют, – добавил Тойо. Он попытался выцепить еду с дощечки подруги, получил по рукам, и только что вернулся с добавкой. – Сфера с

порталом и звездой, там внутри живых не осталось, все уничтожены, обитаемая планета – вплоть до орбиты в два миллиона километров, и граница системы за поясом астероидов. К порталу нас не пускают, наружу – тоже, на планету можно сесть, а вот взлететь – не дают. Поначалу оттуда шла передача информации, но в последнее время и её заблокировали, что там сейчас твориться, мы тоже не знаем, можем только догадываться. Помимо конфедератов, на обитаемый материк высадились республиканцы, поговаривают, даже имперское крыло на нижней орбите висит, и флот федералов, но по моему мнению – врут. Вообще это подозрительно, что ни имперцы, ни федералы не полезли в эту мясорубку, словно знали. Да, ещё там твои приятели-заключённые, сам знаешь, не самые приятные люди.

– Ты – исключение, – тут же похлопала меня Тойоле по руке, так что я чуть не выронил обратно в плоску кусок грязно-фиолетового студня, пищевые аппараты для обычных людей стояли отдельно, в первый раз я просто не добрался до них. – Даже Йолана с тобой мирится, а она вообще вас, обычных людишек, ненавидит.

– У меня глаз дорогой, – напомнил ей. – Он как треть этой Йоланы стоит. Так что я вам почти родственник. А эта Йолана – у неё есть кто-нибудь? Ну там друг близкий у вас на родине, или как вы их называете – партнёр, да?

– Ты по нашим меркам так себе, – откровенно заявила женщина-синт. – Хотя, сам понимаешь, внешность – дело

такое, заплатил сколько надо, и будешь красавчиком. Только она из уасаль, очень богатой семьи, так что столько кру у тебя нет. Даже и не думай.

– Да ладно, помечтать уж нельзя, – под общий хохот сказал я. – Может, у меня намерения серьёзные.

– Так что ты тут сидишь, у тебя вылет через час, как окажетесь вдвоём в кабине штурмовика, так сразу и набросься на неё, – посоветовал Тойо. – Сейчас затишье, работы у нас мало, скука смертная, лишний раз подлечить кого-нибудь – только в удовольствие.

Дроны на корабле республиканцев присутствовали в достаточном количестве, только по сравнению с теми уборщиками, которых я на планете оставил, были так себе. Надежды на них никакой, приходилось все самому делать – и cartridge тестировать, и закладывать сырьё для пушечных зарядов, и проверять, не отвалилось ли чего у штурмовика, пока он стоит на приколе. Только обслуживать пока его не мог полноценно, но старался, обходился тем, что нахватался у Эри. Техники были в основном из республиканцев, орда из окраинных миров, когда кинулась к порталу, оставила вспомогательные подразделения далеко позади, и до границы, обозначенной чужими, они к нужному времени просто не добрались. А синт-пилоты и синт-технари копать в чужой технике считали ниже своего достоинства, хотя вот та же Йолана разбиралась в этом куда лучше меня.

О судьбе своих сокамерников я пытался узнать в первый же день, но никто о них ничего не слышал, нашли только меня. Две девушки, синеволосяя и блондинка, и трое похитителей моего, считай, богатства, сгнули в пространстве, по крайней мере для меня. Республиканцы, те наверняка погибли, взрыв в их отсеке я хорошо помнил, а Чесси и Эри вполне могли спастись, может быть, болтались где-то в космосе, расходуя последние крохи энергии, за год мы могли отлететь друг от друга на огромное расстояние, или их кто-то подобрал. Но никто запросы по таким пустякам рассылать не собирался, и дела до нескольких человек, когда вокруг столько народу выживало как могло, не было.

Штурмовик легко выскользнул в пустоту, предстояло обследовать ещё один сектор, сканеры показывали, что там есть какой-то объект подходящего размера,двигающийся не туда, куда должны лететь природные тела вроде астероидов. Я держал ладони на панели управления, на всякий случай – основной обмен командами шёл между штурмовиком и коммодом напрямую, имперский модуль легко нашёл общий язык с республиканской техникой. Пять миллионов километров – это почти четыре часа полёта в одну сторону, оставалось только глазеть на звёзды, и присматриваться к показаниям радаров, космос, он слишком большой, чтобы препятствия и ценности попадались на каждом шагу.

В сторону Йоланы я если и поглядывал, то чтобы шея не

затекла. Кукла и есть кукла, даже с человеческими мозгами, минимум эмоций и максимум холодности. С одной стороны, хорошо, не достаёт всякими разговорами, и с другой неплохо – можно самого себя развлекать.

– Эх, жаль, что мы тут всякой фигнёй страдаем, – я доверительно наклонился к спутнице. – Вот улетели бы на планету, там на островах такие красоты, пляжи с белоснежным песком, можно голышом купаться, горы со снегом на вершинах, леса бескрайние. Поставили бы палатку, ловили рыбу, или омаров, их можно руками хватать, и сразу на костёр. Нормальная еда, не то, что ваши сопли и переработанные отходы. А какой воздух там, его можно ложкой есть, густой, насыщенный, вдохнёшь, и сразу жить хочется. Плюнем на все, и полетим, да? Тут всего тридцать пять дней на максималке.

С таким же успехом можно было на Весте разговаривать с силиконовой секс-игрушкой, которую забыл зарядить, хотя нет, эта следила, чтобы я о работе не забывал, контролировала. За то время, что мы вдвоём шлялись по космосу, я предлагал ей сходить в театр – сам там не был ни разу, но ролики смотрел. Или сплавиться на байдарках, один мой приятель в Амазонии так и сделал, не нашли потом, крокодилы схарчили или москиты выпили досуха. Тем для разговора было немного, повторялся, но Йолану это совершенно не беспокоило, ещё ни разу не сказала мне, что мог бы что-то поинтереснее придумать и пооригинальнее. Поначалу я ещё стес-

нялся, общими фразами и намёками ограничивался, а когда понял, что то, что я говорю, слушательницу не трогает совершенно, тут уж полет фантазии ничем не ограничивался.

– Ты не представляешь, какие там животные водятся, – сканер показал какой-то движущийся объект, мы слегка замедлились, выпустили зонд, который передал картинку обычного метеорита, после побоища многие мелкие небесные тела свою траекторию изменили. – Гиппо, знаешь таких? Похожи на наших африканских бегемотов, только агрессивнее. У меня с ними ментальная связь, сядем на такого, и поскочим через джунгли. Нет, не хочешь?

Помощница сенарда не хотела, судя по отсутствию хоть какого-то отклика.

– Ладно, Марфуша, нам ли жить в печали, – подытожил я фразой, которую когда-то слышал от отца. Что она означала, я не знал, среди наших знакомых женщин с таким именем не было, но он часто её произносил, особенно когда выпьет.

– Не отвлекайся, – вдруг оживилась синтиха. – Меняй вектор, выходим на кольцо вокруг объекта. Сканер показывает, что это корабль.

Цель была в каких-то пятнадцати тысячах, торможение я включил минут сорок назад, скорость упала до сотни в секунду. И все равно была слишком высокой для стыковки. Резко замедляться не рекомендовалось, обычно чужие яйцеобразные истребители на это внимания не обращали, но бывали случаи, когда нападали на тех, кто слишком лихачил.

Лишние десять-пятнадцать минут погоды не сделают.
Тем более что в космосе она всегда одинаковая.

Глава 3.

Что называется, выиграла джек-пот.

В отличие от кораблей поддержки и атаки, основные боевые единицы здесь не строились с замкнутым контуром. Это создавало определённые трудности при подпространственном перемещении, зато при необходимости одна часть легко отделялась от другой, превращаясь в станцию подскока или боевой модуль охраны. То, что мы нашли, сложная тригонометрическая фигура с изломами и остатками переходов, раньше была частью огромного корабля конфедератов первой линии атаки. Не самой ценной, те части, где был подпространственный двигатель, единый командный пункт и десантный отсек, основные штурмовые палубы и атакующие установки, отсутствовали, зато мы получили почти нетронутый модуль обеспечения и обороны, с установками силовых щитов, ремонтными линиями и дронами, почти сотней истребителей, подготовленных к обслуживанию, и блоками хранения, забитыми запасными узлами и картриджами. Там даже пищевые автоматы были из тех, к которым я привык за время принудительного отдыха на планете.

И мертвецы, много мертвецов.

Кого-то разгерметизация застигла прямо на рабочем месте, по всем правилам, во время атаки скафандр необходим,

но разгильдяйство – оно во всех мирах собирает свою жатву, у кого-то картриджи свой ресурс исчерпали совсем недавно. Но большинство было убито, видимо, разъединение основного корабля произошло в момент нападения, и нападающими были не пришельцы.

Рядом с мёртвыми конфедератами в вакууме летали десантники республиканцев, в тяжёлых боевых скафах с мощными пушками на предплечьях.

– Сначала они разделались с экипажем, а потом кто-то активировал второй контур защиты, – поделилась наблюдениями Йолана. Штурмовик мы загнали прямо внутрь, так что поначалу оттуда и разглядывали результаты побоища. – Стандартная тактика армии Республики, подрыв обшивки, потом сотня десанта, для этих больше и не надо. Когда все уничтожены или взяты в плен, деактивация производится силой убеждения – оставляют часть команды в живых. А вот конфедераты обычно сначала подавляют системы, техников у них почти десятая часть команды, и только потом начинают безоружных убивать, причём всех подряд.

– А армия Союза как поступает? – подколот я её.

На это моя спутница ничего не ответила, зато выгнала меня наружу – управлять зондами.

Будь помещение единым, ещё куда ни шло, но размеры многогранника измерялись километрами, хорошо, что отсек, куда мы залетели, был одним из самых объёмных – из него шли проходы в остальные части модуля.

Большая часть коридоров вела в служебные помещения – в них все те же мертвецы в различных позах, почти целое оборудование и многочисленные отметины на конструкциях говорили о том, что бой продолжался по всему кораблю. Только один сектор оказался запечатанным, там оборонительные системы, тот самый второй контур, ещё работали, и едва зонд залетел в ближайший проход, как тут же вспыхнул и исчез.

– Йолана, – позвал я напарницу, обследовав последнее помещение. – Ничего не заметила?

– Что тебе? – изображение с камер передавалось на штурмовик, леас видела то же, что и я.

– Ты сказала – сотня десанта, а тут их едва ли полтора десятка наберётся.

– И правда, – девушка оживилась. – Возвращайся, сейчас проверим.

Следующий час дроны сортировали мертвецов, складывая их в разных углах ангара. Конфедератов набралось чуть больше полутора тысяч, в основном – обслуживающий персонал, а вот десантников только тридцать два.

– Не хватает ещё шестидесяти восьми, – подсчитал я, усаживаясь в ложемент и кладя ладони на панель управления. Заодно проследил, чтобы дрон приволок сохранившийся скаф в штурмовик, обновка, даже из-под мертвеца, не помешает. Просканировал пространство – никаких сигналов с захваченного модуля не поступало, и если кто-то там и за-

таился, в глубинах коридоров, то никак себя не проявлял. В вакууме, как известно, звук не распространяется, но в любом случае передатчики должны были работать, если хозяин скафа ещё жив. Меня-то ведь нашли именно так. А десантные скафы обладают высокой автономностью, переводя при необходимости разумную внутренность в состояние, близкое к анабиозу, и поддерживая её существование годами.

– Шестидесяти четырёх, – поправила напарница. – Шесть боевых ячеек по пятнадцать бойцов, плюс пять сержантов, и один командир атакующего кулака – все, кого мы нашли, из одного подразделения. Или остальные сбежали, или заперты до сих пор в изолированном секторе. Но это не наша работа, пусть сенард решает, что делать. Возвращаемся, надо сообщить ему о находке.

– Погоди, – остановил я её. – Просто я подумал, сейчас ведь на корабле чуть больше двух сотен жителей Союза и где-то шестьдесят республиканцев. Если к ним добавится ещё шестьдесят, то расклад сил будет не в вашу пользу, да? Это же десантники, они могут нашу колонию на раз захватить.

Йолана задумалась. Внешне это почти никак не проявлялась, ни один мускул лица не дрогнул, но она явно что-то там у себя в черепушке решала. И некоторая нервозность чувствовалась.

– Нет, – наконец мотнула она головой, – за восемь месяцев были конфликты, но только первое время. В таких условиях приходится доверять, даже этим фанатикам. Из четы-

рѐх леас трое – из Союза, все важные вопросы сенард единолично не решает, даже если проголосуем, в худшем случае – поровну. И к тому же, пока они что-то успеют сделать, мы перенастроим истребители на себя. У нас полторы сотни боевых пилотов, и мы, если надо, любой корабль на кусочки разнесём вместе с сенардом и его друзьями.

Я только плечами пожал, хозяин, как говорится, барин. В самом деле, мне что синты из Союза окраинных планет, что хамы из Республики, и те, и другие одинаково далеки. Пусть договариваются как хотят. Долго я задерживаться в раздолбаных осколках флотов не собирался, уж лучше на планету перелететь, там как-то надёжнее и привычнее. И чужих нет.

Словно в подтверждение моим мыслям, прямо рядом с нами возник эллипсоид пришельцев. Мы только начали разгнаться, ложась на обратный курс, и скорость была совсем невысокой, и зонды давно уже заняли место в кассетах, и связь никто не включал. А все равно, появился откуда-то из пустоты в двух километрах чуть позади.

– Тихо, тихо, не дѐргайся, держи ускорение стабильным, никуда не отклоняйся, и тогда он сам уйдѐт.

Йолана положила свою ладонь поверх моей, и что странно, даже к штурмовике, где необходимости притворяться нормальным человеком нет, она была тёплой. Синту вообще обычно поддерживают температуру на минимуме и то – в черепушке, чтобы мозги инеем не заросли.

До этого я только слышал о врагах человечества, таин-

ственных пришельцах с той стороны портала, ну и записи видел. Немудрено, что меня аж мороз по коже пробрал, чужой корабль двигался, не приближаясь и не отдаляясь, по форме он и вправду походил на яйцо, и летел тупой стороной вперед, ни двигателей, ни вообще каких-то функциональных частей видно не было.

– А как он вообще передвигается? – шёпотом спросил я у Йоланы.

– Не отвлекайся. Я не знаю, если даже кто-то сумел подбить такой, то все равно общей связи нет, пока сигнал до нас не доходил. Щиты не трогай.

Скорость росла медленно, без гасителей импульса особо не полихачишь, но все равно, уже приближалась к сотням километров в секунду. Яйцо держалось рядом как приклеенное, и вдруг начало подходить ближе. На таких скоростях и расстояниях любой манёвр мог теоретически привести к столкновению, боевая автоматика штурмовиков была рассчитана как раз на то, чтобы изменять момент импульса мгновенно, и отключалась, если и эта опция не активировалась.

– Триста метров, – доложил я, на всякий случай убрав руки с панели. Штурмовик летел сам по себе.

– Молодец, что сказал, – неожиданно ответила напарница. Может, волнуется, раз на шутки пробило. – Расслабься.

И сама приложила ладонь к считывателю. У меня перед глазами на выделенном контуре стали появляться сообще-

ния об активации вооружения. Переключатель щитов пополз вправо, до границы, когда вокруг аппарата появляется активный силовой контур поверх штатного, оставалось совсем чуть-чуть.

Примерно столько же, сколько до преследователя, между нами были считанные метры, казалось, чуть вильни он в сторону, и разлетимся вместе на кусочки.

Из правой кассеты вырвался зонд, улетел в сторону, противоположную чужому, и километрах в двадцати от нас включил сканер. Яйцо дрогнуло, отстав сразу на несколько километров, словно размышляя, какая из целей важнее. Зонд шёл с небольшим угловым оставанием, его относило все дальше и дальше, активное сканирование дополнилось ускорением – включились маневровые толкатели, и полуметровый шар начал резко уходить от нас.

Чужой бросился за ним.

Сам момент атаки я не заметил, зонд просто исчез. А потом исчез и преследователь, словно растворился в пространстве, пассивные датчики его не видели.

– Иногда такое спасает, – Йолана похлопала ладонью по панели, выразительно на меня посмотрела. – Опасные, но очень тупые. Хватит отдыхать, нам ещё полтора часа лететь, или я должна за тебя это делать?

– Нет, прости, – я перехватил управление, хотя что там перехватывать, полет по эллиптической траектории в практически абсолютной пустоте – не самое сложное занятие. –

А что, иногда не спасает?

– Мне откуда знать. Те, у кого не получилось, уже ничего не расскажут.

То, что мы нашли целый почти нетронутый модуль с сотней истребителей, стало огромной удачей, весь корабль только об этом и говорил. Десяток с небольшим не самых современных штурмовиков, который имелся до сих пор, кое-как потребности небольшой колонии в разведке обеспечивал, но, во-первых, пилотов было значительно больше – а кроме этого, синты в большинстве своём почти ничего не умели, и во-вторых, резко возрастала автономность, блоки переработки на республиканском корабле были так себе.

Для того, чтобы подойти в новое место, раздолбанное космическое корыто пришлось разгонять – семь штурмовиков силовыми захватами вцепились в корпус, и придали кораблю нужное ускорение и направление, сталкивая с прежней траектории. Лететь предстояло почти пять дней, четыре штурмовика, справившись со своей задачей, отстыковались и отправились в сторону модуля, мы не одни в этой системе нуждались в ресурсах, конкуренты тоже рыскали повсюду, и вполне могли перехватить ценную находку.

– Сотня истребителей, вот эти недочеловеки порадуются, – Анги, милая девушка из республиканок, со вздёрнутым носиком и короткими белыми, почти прозрачными волосами, облокотилась на меня грудью. Мораль нации отодоксов

на чрезвычайные ситуации не распространялась. – Значит, говоришь, там и наши могут быть?

– Ага, ваши, – я лежал на спине в чужой каюте, и представлял, что курю. Сигарет в этом мире не хватало отчаянно, вот уж думал, что за столько лет отвык, но нет, почему-то вот именно сейчас потянуло. – За что ты синтов так не любишь?

– К синтам я нормально отношусь, не перегибай. У нас тоже себе искусственные тела пересаживают, но не для того, чтобы вот так жить, а когда уже ресурсы собственного, обычного тела исчерпаны, – техник по обслуживанию дронов была мила и непосредственна, это у жителей Союза эмоции какие-то ненатуральные, а тут все было по-честному, по-человечески. – Ни один нормальный человек не будет себя вот так калечить без необходимости. И вообще, не уверена, что они люди, ты думаешь, им действительно чьи-то мозги пересаживают?

– А что, по-твоему?

– Я им черепушки не вскрывала, а если бы даже вскрыла, ИИ-блок от обычного мозга и не отличить сразу, – со знанием дела заявила республиканка, зевнув. – У нас, в нормальных мирах, нужно маркировать синт-дронов, а там, в Союзе, они делают что хотят. Вот увидишь, доиграются ещё, когда машины всех людей изведут. А может, уже извели давно. Вот ты со своей Йоланой летаешь, она тебе хоть раз вот так делала?

И Анги показала, как, по её мнению, мы должны были

проводить время вдвоём с синт-пилотом в кабине штурмовика, если она действительно имела к людям хоть какое-то отношение. Во всех деталях показала.

Когда мы отдышались – люди, что с нас возьмёшь, она продолжала.

– Наверняка нет, сидит рядом, пялится в одну точку, да? Я кивнул. Сравнение – один в один.

– Синт-тела удобнее и практичнее, – с несвойственной молодости мудростью сказала Анги. – Если бы все было так просто, мы бы давно все вот так ходили, переключая собственные ощущения и прочее. Было такое уже, я где-то видела в старых записях, у нас это не афишируют, но все знают.

– И что произошло?

По словам Анги, уничтожить пришлось несколько миллиардов потерявших связь с человечеством био-роботов, которым мозг пересаживали прямо с рождения – так он гораздо лучше адаптировался к ненатуральному телу. По мне, все эти рассказы о чуждом и злобном искусственном интеллекте были обычными страшилками – зачем тому, у кого все есть, дополнительные нахлебники и главное, дополнительные звёздные системы, но вот республиканка в это свято верила. Переубедить я её не стал, не так много на этом корабле было женщин, готовых проводить время с чужаком, да и женщин вообще. К тому же, Анги насчёт Йоланы была может и права, но не совсем, где-то в глубине души я чувствовал, что рядом со мной не робот, а человек. Хотя после вот

такого разговора не был в этом уверен.

Вопрос, что делать с мифическими десантниками, рассматривался только среди руководства. Ну и меня позвали, раз я был в курсе, заодно строго предупредили, чтобы среди остального народа я сведения раньше времени не распространял. Поздно предупредили, вся колония уже знала.

Кроме сенарда и меня, все в той же аскетичной рубке было ещё трое – единственный заместитель-республиканец, получив необходимые наставления, улетел к находке на одном из четырёх штурмовиков, чтобы на месте ситуацию контролировать. Кроме Йоланы, за овальным столом, неизвестно откуда появившимся, сидели ещё двое представителей Союза окраинных планет. Один из окраинников был на первый взгляд обычным человеком, но, по словам Тойо, тем ещё синтом, стоимость его тела просто зашкаливала. У мужика даже кожа ладоней белела, если он опирался ими на стол, и мимика, и жесты – ничего ненатурального. Только татушка на щеке – как признак принадлежности к силиконовому братству. Второй леас, коренастый мужчина с длинными сиреневыми волосами, завязанными в хвост, по имени Майло, судя по виду, от своего тела пока полностью не отказался, и он же среди этой ненатуральной братии был главным.

– Зачем его позвали? – он кивнул на меня. – Мы и сами способны всё порешать. Или, думаешь, проговорится?

– И для этого ему надо дать ещё больше информации, –

сидящий рядом с Майло синт хохотнул, не очень натурально. – Чтобы на каждом углу шептались, что мы нашли отличный корабль конфедератов. Наверняка среди всего сброда есть кто-то, кто может стучать другим группировкам, направленные сигналы постоянно уходят.

– И это явно не Дэн, – вступился за меня сенард неожиданно.

– Как знать, – синт покачал головой, пристально посмотрел на меня своими карими, чуть навывкате, глазами. – Может, неспроста он оказался на пути штурмовика. Сначала находим конфедератского раба, потом он обнаруживает отсек снабжения конфедератов, как-то подозрительно это.

– Не носи чушь, – одёрнул его Майло. – Или, по-твоему, Йолана тоже в это замешана, она ведь его нашла, и отсек тоже?

Йолане, судя по её невозмутимому виду, все эти подозрения были до одного места. Она даже голову не повернула, глядя куда-то в обшивку рубки.

– Хватит, – сенард легонько хлопнул в ладоши. – Свои внутренние разногласия будете решать не здесь и не сейчас. С улетевшим рейдом связь устойчивая?

– Да, зашифрованный канал пока держится, – Йолана наконец отвлеклась от обшивки и даже кивнула. – Ничего необычного, никаких признаков живых людей, инфопакет в ограниченном доступе, можете ознакомиться. Если кто и остался внутри, то тщательно это скрывает. Командир кула-

ка мог отдать такой приказ?

– Конечно, – кивнул республиканец. – В чрезвычайных ситуациях, когда спасение невозможно, и нужно ждать подкрепление, сохранение жизни бойцов – главная задача. Будем считать, что там сейчас четыре полных пальца десантников. Отлично вооружённых и очень голодных.

Вот от кого, а от него шутки я не ждал. Судя по всему, только я один, остальные заулыбались, даже моя замороженная напарница.

– Десант нам не помешает, – Майло поводил ладонью по гладкой столешнице. – Нам не хватает слаженного подразделения, пилоты – это хорошо, и техники тоже, но в случае атаки, когда нужно будет проникнуть на чужой борт, или другие команды на нас нападут, мы пока не в лучшей форме. Сам знаешь ситуацию с Союзом, мы давно не воевали вот так, в замкнутых пространствах. И ребята из твоей инженерной команды. Слухи идут, будто кто-то подгребаёт слабые группы, вроде нашей, под себя, даже если так, торговаться лучше с позиции сильного.

Я не понимал, к чему весь этот разговор ведёт. По мне, так сенард должен был ратовать за спасение десантников, они ведь ему, считай, как братья, а окраинники, синты и Майло, всеми силами этого не допустить. Но пока все было наоборот, глава нашей гоп-компании явно сомневался.

– Ты что думаешь, Дэн? – внезапно спросил он. – Йолана рассказала о твоих рассуждениях. Почему ты решил, что у

нас будут беспорядки?

– Республиканец республиканцу – рознь, – привёл я первый пришедший на ум аргумент.

– Точно! – сенард хлопнул рукой по столу. – У нас команда пёстрая, с разных планет. А эти ребята из десанта, судя по тому, что я сейчас получил, они все с Талора.

– Как и ты, – Майло кивнул. – И леас Шонба.

– Да, – согласился сенард. – И поэтому я этих отмороженных знаю. Талор – навсегда. Когда дело касалось споров между звёздными системами, это себя оправдывало, но теперь мы должны держаться вместе. Ради человечества забыть разногласия.

Против такого аргумента трудно было возразить, где мы, а где вся цивилизация. У сенарда это получилось торжественно и почти не пафосно, даже я проникся, хотя такие идеи, по моему скромному опыту, у нас в Солнечной всегда скрывали чьи-то шкурные интересы.

Глава 4.

В считанные часы до прибытия на место на борту корабля не оставалось ни одного штурмовика, кроме нашего. Правда, сначала те, кто улетели в самом начале, четыре дня назад, попытались перегнать к нам на борт несколько истребителей, но для этого нужно было отключить все контуры защиты, а значит, выпустить то зло, что таилось где-то в недрах модуля. И пришлось им дожидаться основного корабля, чтобы проделать то же самое, только после стыковки.

Сам процесс слияния двух объектов обещал быть непростым, требовалось соединить две системы государств, которые друг с другом не очень ладили, и как раз в это время оба, и корабль, и модуль, становились особенно уязвимы. Так что боеспособные аппараты бросили на патрулирование.

Мы с Йоланой вылетали последними, в штурмовике обнаружили какие-то неполадки, и возле нашего аппарата суетились два республиканца в скафах, из ремонтников. Увидев меня, один замахал рукой, мол, иди сюда.

– Смотри, – он ткнул пальцем в держатель кассеты зондов, – тут силовые захваты ослабли, мощность просела вдвое, где-то идёт сброс энергии. И, похоже, вы обломок словили в прошлый раз, не помню, чтобы раньше такое тут было.

Я посмотрел, действительно, место, где держатель переходил в корпус, было повреждено.

– И что делать?

– С этой стороны зонды старайся не выпускать, на крайний случай если только, – предупредил меня ремонтник. – Пользуйся кассетами на других гранях. И вот ещё, с двигателем проблема, идёт деформация нагнетателя, без компенсатора инерции они ломаются постоянно, три-четыре вылета, и надо будет менять. Так что постарайтесь найти новый, или отремонтировать.

– В новом модуле должны быть, – посоветовал другой. – Конфедераты такие же используют.

Я кивнул, надо, значит надо. Доложил Йолане, та отреагировала как всегда – никак. Сама копаться во внутренностях машины не хотела, мне так вообще меньше всех надо было, только взял с собой на всякий случай дополнительные картриджи фильтрации и проверил тяжёлый скаф с встроенным маневровым движком, позаимствованный на найденном модуле – если вдруг что случится по дороге, смогу сам себя спасти. От патрулирования я особых неожиданностей не ждал, до сих пор ничего не случилось, да и частью команды мне особо почувствовать себя не давали, участие в собрании особо приближенных было исключением. Поэтому общее волнение, с которым все ждали космической халявы, обошло меня стороной.

– Вылетаем, – распорядилась помощник сенарда, появля-

ьясь в ангаре. Техников как ветром сдуло, мою напарницу не любили и боялись практически все. Встречал я мизантропов, но Йолана могла всех переплюнуть.

Штурмовик приподнялся над посадочным кругом, и не спеша вылетел в открытый космос. Собственной скорости корабля хватало, чтобы просто изменить вектор и уйти в нужном направлении. Четыре дня корабль таился, не проявлял себя, и теперь, когда цель была близка, приходилось быть ещё более осторожными. Предстояло отойти почти перпендикулярно его движению, расставляя зонды, и отслеживая окружающее пространство.

– Что там с двигателем? – напарница положила ладонь на панель управления, начала считывать данные. – Перестраховщики, ещё отлетает. Сбрасывай зонды.

С одной стороны, то, что сказали техники, звучало логично – повреждённая кассета могла повести себя непредсказуемо. А с другой стороны, худшее, что могло случиться, это если зонд, застряв в держателе, включит свой двигатель, ионная струя обшивке штурмовика не повредит, но может повлиять на курс до того момента, как сам зонд деактивируется. Если бы мы разгонялись с компенсаторами инерции, это имело значение, там любой импульс важен, а при том неторопливом темпе, в котором мы двигались, незначительный уход с курса особых проблем не должен был создать. Так что я сначала попытался избавиться от зондов, которые были в дефектной кассете, в принципе, по старой русской традиции

– на авось. Ничего, что тут её не знают, если выживу, всех научу.

Вопреки всем страшилкам республиканских техников, шарики отделились практически без проблем. Только один на секунду потерял ориентацию, разнеся держатель и заклинив саму кассету, но он был последним, мрачный и неодобрительный взгляд Йоланы я заработал, только и всего.

Зонды, отвалив от штурмовика, распределялись вдоль нашего пути, мы шли по дуге, обходя найденный модуль, и где-то через семь-восемь часов должны были пристыковаться обратно, уже в точке назначения.

– Все в порядке? – я подмигнул Йолане, которая, как всегда, смотрела на какую-то гипотетическую точку вдали.

Та, опять же как всегда, не ответила, и получила мои размышления о том, как классно мы проведем вместе время, вернувшись на корабль.

– Там такие каюты, просторные, с отличным оборудованием, – ездил я ей по искусственным ушам. – И как раз на двоих рассчитаны. Давно нам уже пора проводить вместе больше времени. Мы же одна команда. Должны постоянно притираться друг к другу. А это что такое?

Перевел индикацию режима работы двигателя на общий экран.

– Ничего необычного не видишь?

Синт-командирша отвлеклась от собственных мыслей, внимательно посмотрела на графики работы первой волно-

вой камеры.

– Нет, – сказала, как отрезала.

А меня вот что-то беспокоило. Настолько, что я вылез из ложементы, и потопал к заднему отсеку. Республиканцы, как всегда, считали себя умнее всех других населявших галактику людей, и ставили на тактические аппараты только один основной двигатель, курс корректировался маневровыми форсунками. Это экономило какое-то количество топлива, и уменьшало площадь столкновения с космической пылью, но, если такой двигатель выходил из строя, все, дальше только по инерции лететь. Благо мы почти уже максимальную скорость набрали.

Не обращая внимания на приказ Йоланы вернуться обратно, подобрался к стенке, отделяющей двигатель от остального аппарата. Закрыв левый глаз – обычное зрение только мешало, и сосредоточился на небольшом участке возле блока замены картриджей.

Напарница утихла и наблюдала за мной.

– Вот здесь, – я ткнул пальцем в невидимую в обычном диапазоне точку, – температура выше на две десятых градуса. И уровень излучения выше, в пределах нормы, но выше.

Сам бы я на месте Йоланы только посмеялся над параноиком, но та отнеслась к моим словам серьёзно. Отпихнула меня, приложила ладонь к тому месту, что я показывал, на секунду замерла.

– Данные не совпадают, – сказала она то, что я и сам уже

заметил. – Излучение растёт. Связь?

– С базы идут стандартные инструкции, – доложил я. –
Пытаюсь дать сигнал.

Шифрованный пакет, пересылаемый в случае аварийной ситуации, ушёл направленным лучом в сторону республиканского корабля, мы отлетели не больше чем на миллион километров, и через пятнадцать секунд сигнал должен был вернуться обратно, но ничего не происходило.

– Связываюсь с другими рейдерами, – я поочерёдно пытался сфокусировать луч, но с остальными семью штурмовиками происходило что-то странное, их курс плавно менялся. Блок связи затратил некоторое время на корректировку координат, выслал аварийные пакеты.

– Пятый. Проблемы с двигателем, – почти сразу отозвался один из штурмовиков. – С базой связаться не могу, иду по инерции на траекторию торможения.

Примерно так же отозвались остальные шесть.

А потом все-таки проявился корабль. На экране появилось лицо Шонбы, помощника сенарда с, так сказать, республиканской стороны.

– Что у вас? – Шонба смотрел куда-то в сторону. – Эй, крепите шлюз, первая партия дронов готова. Так, восьмой наблюдатель, в чем проблемы? У нас стыковка идёт, и сейчас лучше хранить молчание. Связь через два часа.

И отключился.

– Это третий, – лицо Шонбы сменилось женским – один

из экипажей синтов снова вышел на связь. – Не могу ни с кем связаться. Ответьте, если слышите. У нас резкое охлаждение двигателя, критический уровень излучения. Отключение не помогает. Нагнетатели вышли из строя.

– То же самое, – ответил я, глядя, как показатели двигателя внезапно возвращаются к реальным. Из трех нагнетателей работал только один, и то в реверсном режиме. – Держим связь.

И, не дожидаясь, пока получу ответ хоть от кого-то, бросился к скафу. Йолана что-то там пыталась сделать с внутренним блоком управления, а я заращивал швы, пристёгивал картриджи жизнеобеспечения, оружие и термоблоки.

– Теперь ты, – кивнул я напарнице на контейнер со снаряжением, и отодвинул её от управления. Странно, но показатели двигателя приходили в норму, причём и в реальном режиме тоже, я не поленился, подлетел, снова проверил стенку, и температура, и излучение вернулись в штатный диапазон. Сам двигатель отключился, мы шли по инерции почти на максимальной скорости, но тесты проходил, активировался и выключался как обычно.

Скаф Йоланы был полегче моего, но синтам много защиты и не надо, это если мне руки или ноги оторвёт, будет больно, а ей – просто неудобно. Синий материал обтягивал фигуру, силовой ошейник держал прозрачную ткань шлема на месте, силиконовая красotka даже в такой ситуации оставалась эффективной и привлекательной. И недоступной.

– Связь с базой и остальными наблюдателями потеряна, – поделился я с ней нашим общим горем. – Выхожу на траекторию стыковки.

– Зачем? – Йолана тестировала режимы двигателя, тот работал так, словно ничего только что не происходило.

– Смотри, – я вывел показатели зондов, – первые восемь не отвечают.

– Из проблемной кассеты?

– Да. Вспышек не зафиксировано, значит, остальных наблюдателей уничтожили как-то иначе. Как? Ты же в этом разбираешься?

Девушка на несколько секунд задумалась.

– Режим стерилизации? – наконец разродилась она. – Но для этого нужен внешний источник питания. Сам двигатель блокируется, остаётся только первый нагнетатель, который выжигает все внутри. С внутренним картриджем это не пройдёт, первым выйдет из строя блок сопряжения, должно быть воздействие через аварийный коннектор.

– Который находится прямо рядом с дефектной кассетой? – предположил я, и сразу понял, что угадал. – Хорошо, от зондов мы избавились, какой может быть запасной вариант? Если кто-то тупой, вроде меня, эти зонды сбросит?

– Подрыв маневровых, – Йолана озвучила то, что только что произошло.

Пять плазменных двигателей отделились от сигары штурмовика, их резко откинуло микровзрывами.

– И курс уже не изменить, – кивнул в ответ. – Значит, не просто так техники ковырялись в нашем аппарате. А кое-кто поленился проверить, все ли в порядке, и не дал мне это сделать.

Йолана попыталась активировать пистолет, но я был быстрее, закреплённые на предплечьях излучатели смотрели ей прямо в лицо. Точнее говоря, в черепную коробку, та хоть и была защищена несколькими слоями физических и энергетических щитов, но против нескольких выстрелов не устояла бы. А над пушкой на плече зависла спица миниатюрной ракеты.

– Полегче, подруга, – посоветовал я ей. – Меньше резких движений. Я подозреваю тебя не меньше, чем ты меня.

– Захватить тяжёлый скаф – была твоя идея, – напарница не двигалась.

Это в обычном состоянии я бы за ней не успел, а у скафа была своя система целеудержания, тут только дёрнись, и не останется ничего от незащищённого противника. Спасибо подружке-республиканке, помогла перекодировать оборудование.

– А спустить проверку на тормозах – твоя. К тому же Майло – твой приятель.

– Он мне не приятель. И при чём тут Майло?

– Очень хотелось бы узнать. А теперь аккуратненько отстёгиваешь свой пистолет от держателя, и толкаешь в мою сторону. Твоей пукалкой скаф не прошибить, это так, на вся-

кий случай, вдруг решишь что-нибудь сделать нехорошее. И да, я тебя пометил как враждебную цель, особо не дёргайся, мы в управляющем блоке поковырялись, но кое-как.

Йолана послушно пихнула пистолет ко мне, тот медленно подлетел, и тут же прилип к захватам на скафе.

– А ты не думаешь? – насмешливо, вот где эмоции вдруг проявились, сказала она, – что эта республиканская подстилка твой скаф перепрограммировала?

Я отвечать не стал. Не то что думал, я в этом был уверен с самого начала, как говорится, если обжётся на одной си-неволосой гадине, на других будешь дуть. Так что заменил блок управления почти таким же, только с имперского скафа, в котором я в космосе год болтался. Это в начале развития каждое государство идёт по своему технологическому пути, а потом происходит унификация, на Земле – за полторы сотни лет, здесь времени прошло, наверное, в тысячу раз больше. И технологий уникальных не было, так что изделия отлично взаимозаменяли друг друга. Имперская технология не была лучше, зато с коммом, висевшим возле виска, скаф теперь отлично ладил.

Заметив моё спокойствие, Йолана даже чуть повеселела.

– Что будем дальше делать?

– Ты у меня спрашиваешь?

– Конечно. Ты меня держишь на прицеле, значит, тебе и командовать, – отрезала синт-женщина. – Могу вообще запереться в контейнере для снаряжения, и ни во что не вме-

шиваться.

– Ну если тебя не волнует, что там происходит с твоими двумя сотнями друзей...

– У меня нет друзей. Да, волнует. Но сделать мы ничего не можем, даже этим курсом, без торможения, мы будем крутиться ещё года полтора, пока по спирали не спустимся к базе. А маневровых двигателей у нас больше нет.

– Вот тут ты ошибаешься, – улыбнулся я.

Чем выше скорость, тем труднее отклонить летящий предмет. Инерция не даст внешнему воздействию хоть как-то заметно повлиять на курс. Но это если отклонять предмет целиком. Мне же всего лишь надо было заставить штурмовик повернуться вокруг центра тяжести так, чтобы направить двигатель в обратную сторону.

Десантный скаф мог разогнаться до совсем небольших, по космическим меркам, скоростей, и двигатель у него стоял импульсный – когда команда, преодолев на штурмовом боте энергетический барьер противника, оказывается внутри раздолбанного корабля, как раз маневрирование имеет основной приоритет. Но это внутри, а снаружи, в космосе, передвижение ничто не ограничивало.

Через шлюз я вылез на внешнюю обшивку штурмовика, закрепился возле деформированной кассеты, как раз той, которая должна была нас уничтожить, и попробовал чуть развернуть аппарат. Центр тяжести штурмовика постоян-

но корректировался блоком управления, чтобы маневровые двигатели могли эффективно работать. Этот же блок управлял самими двигателями, но к скафу не подключался, пришлось все делать самому. С двадцать какого-то раза корпус качнулся, и начал очень медленно поворачиваться, норовя вернуться в прежнее положение. Но я не давал, импульс за импульсом отклоняя его в сторону, пока не развернул штурмовик почти под прямым углом к находившемуся в миллионе километров модулю снабжения, уже состыковавшемуся с нашим базовым кораблем.

– Пока не дергаемся, – предупредил я Йолану, очутившись внутри. – Что-то мне кажется, что за наблюдателями будут следить.

– Не тупее тебя, – синт-напарница полулежала, положив обе ладони на панель управления. – Только что симитировала наружный взрыв и стерилизацию кабины. Из узла жизнеобеспечения ушёл пакет в сторону базы, направленным лучом. Сам узел разрушен.

Я поглядел на неё, да, следы облучения были видны – крохотные язвочки проступили на синт-теле, но уже затягивались.

– Сколько?

– Сутки продержусь, – невозмутимо ответила девушка. – Телу ничего не будет, а мозг начнёт распадаться. Так что ты постарайся, чтобы к этому времени мы оказались недалеко от медкапсулы.

Кивнул, поучаствовал в инсценировке, отстрелив ложную цель. Теперь те, кто, возможно, наблюдают за восемью рейдерами, утешат себя тем, что все пилоты мертвы. И не станут проверять.

– Должны успеть, – прикинул расстояние. – Нам надо подойти незаметно, а это значит, ещё столько же пролететь, и только потом обратно. Два часа на безопасное торможение и изменение курса, два – на разгон с импульсом в режиме маскировки, пять часов до модуля, еще час торможения, облет на расстоянии в десять тысяч, сканирование и круговая орбита, если там никого нет. Аварийный челнок вроде исправен, я проверял.

– Никаких челноков, – невозмутимо поправила меня Йолана, словно не умирать ей эти сутки. – Заходим на штурмовике, у нас полный боевой запас. Если что, разнесём это корыто.

Глава 5.

Через десять часов до сцепки базы с найденным модулем оставалось каких-то полторы сотни тысяч километров. Все узлы штурмовика работали нормально, периодически пытаюсь передать телеметрию на базу, обратный поток информации практически не поступал. Зато мы могли получать данные с зондов, которые выбросили в космос.

– Где модуль? – я проверил ещё раз то, что они нам транслировали. – Корабль на месте, а находки нашей нет.

– Уверен? Размеры пристыкованных объектов совпадают, – в голосе Йоланы появилась чуть заметная заторможенность.

– Да, но такое впечатление, что там обманка, смотри, масса совсем другая.

– Есть сотни причин, по которым масса измеряется неверно.

– Тебе лучше знать. Но все же, что-то мне беспокоит. Холодные светлые глаза небрежно мазнули по мне взглядом.

– Дэн, – синт-напарница почти никогда не называла меня по имени, может, хотела важность момента подчеркнуть, – если бы у тебя был нейросимбионт в мозгах, я бы ещё, может, прислушалась, но ты не модификант. Реакция обычная,

рефлексы в пределах нормы. У тех десантников, которых мы нашли, ты вроде ничего из головы не вырезал – хотя раз они мертвы, то интуиция у них на нуле была. Так что не говори чушь, какие ещё предчувствия.

– Нехорошие, – ещё раз повторил я. – Задницей чувствую, что кто-то нас там ждёт.

– Головой надо думать, а не задницей, – Йолана поёрзала в ложементе. – И побыстрее. Начинается распад биоадаптеров, что-то слишком рано, а профилактику я недавно проходила. Если так боишься засады, вспомни, что у нас четыре излучателя и две кинетические пушки, и полный картридж торпед, десятка хватит, чтобы разнести там все на кусочки.

– А дистанционно ими можно управлять?

– Что? Да. Думаешь, кто-то за нас, нас же и обстреляет.

– Нет, об этом я не думал. Если мы перейдём в челнок, сможем оттуда огонь вести?

– Теоретически – да. Но лучше этого не делать, перехватить сигнал проще простого, те, на кого ты хочешь напасть, твой же челнок и разнесут, – Йолана говорила все медленнее и невнятнее, словно язык её не слушался. Обнажившийся краешек комма торчал из головы. – Ладно, в оружейном блоке есть выносной управляющий узел, для работы в беспилотном режиме, когда разблокируешь панель, увидишь – красный куб с белой точкой в центре на нужной грани. А мне что-то нехорошо, я, пожалуй, посплю. Четыре года почти не спала, представляешь? Дэн, это так прекрасно, закрыть свои

собственные глаза, лечь, и ни о чём не думать, а перед этим съесть что-то горячее, чтобы натуральный желудок расслабился. Кусок обычного мяса, обугленный на костре. На настоящем костре, с открытым огнём мёртвых деревьев. Как же мне этого не хватает.

– Эй, – потряс я её за плечо, напарница не реагировала, но вроде ещё не померла. – В самый неподходящий момент отрубилась, нечего сказать. Давай, просыпайся, зараза, а то, чувствую, устроят нам тут костёр. В вакууме нейтронное топливо знаешь, как хорошо горит, ярко и мощно.

Зараза не реагировала ни в какую, до сцепки, которая мне так не понравилась, оставалось не больше семидесяти тысяч, мы потихоньку тормозили, так что, думаю, нас уже засекли. Надо было выйти наружу, развернуть штурмовик чуть в сторону, чтобы он начал облетать базу – пока что мы неслись точно в ангар, и на такой скорости там бы точно от него ничего не осталось, если не начать тормозить сильнее.

Подлетел к панели – искусственная гравитация не работала, провёл рукой по крышке оружейного блока, не соврала Йолана, красный кубик с пятисантиметровыми рёбрами торчал прямо на поверхности, и вышел из пазов легко, оставалось только нажать на белую точку. Тут же на панели управления появилось сообщение о передаче функций блока внешнему узлу, пришлось снимать перчатку скафа и подтверждать наложением рук.

Узел закрепил на плече, на скафе был предусмотрен уни-

версальный разъем для таких случаев. Подготовил челнок – тот вышел из захватов, и двигался на энергетической сцепке с штурмовиком почти вплоты.

Десять минут до контакта.

Уже с этого расстояния стало понятно, что мои опасения не беспочвенны. Вместо модуля рядом с кораблём-базой висела конструкция, только по форме напоминающая найденный конфедератский объект, скорее всего – заполненный разряженным воздухом контур. Те, кто его оставил, особо не старались, если смотреть вблизи, получилось вообще не похоже на оригинал. Из-за контура выскочили несколько истребителей и неторопливо помчались к нам навстречу. Что-то мне подсказывало, что не помогать они летели.

Восемь минут.

Вытащил наружу тело Йоланы, пристегнул к скафу страховочным канатом, на всякий случай прицепил обычный датчик, с ним обнаружить напарницу, если вдруг её отбросит в сторону, будет легче. Отстыковал челнок, врубил двигатель, задал нужный курс.

Шесть минут.

Истребители с пяти тысяч, почти вплотную, дали первый залп по штурмовику, защитное поле атаку отразило, но тут же блок управления сообщил о выпущенных торпедах. Аппарат выпустил первую партию из десяти самонаводящихся ракет, все, теперь, так сказать, бой начался официально.

Первая атака с обеих сторон ничего не принесла, все-таки

торпеды – средство для массивных целей, и штурмовик, и истребители легко уходили от атакующих метровых стержней, на малых относительных скоростях торпеды вообще никакой опасности не представляли, другое дело, что с их помощью можно было навести точно энергетическое оружие, и три вырвавшихся вперёд истребителя дали залп плазмой по нашему аппарату.

И тут преимущество более лёгкого космического вооружения стало очевидным. Штурмовик не мог нормально атаковать и защищаться без формирователя пространства и компенсатора инерции, в обычных условиях для его применения не было никаких ограничений. И, в принципе, я бы его отключил, только чужие обычно появлялись, стоило вмешаться в материальную физику. Обычная защита хорошо работала против кинетических объектов, а против энергетики – не очень. Пока атаки на таком расстоянии особых повреждений не наносили, но мы быстро сближались.

Красный кубик запульсировал, на комм поступило сообщение о перехвате контроля над штурмовиком. Какое-то время я блокировал внешний доступ, но сигнал с корабля имел приоритет, пришлось ликвидировать один узел за другим. Двигатель уже работал в автономном режиме, не подчиняясь командам, пушки и излучатели – тоже, оставались только пусковые установки, но и те, похоже, скоро должны были сдаться.

Наша торпеда наконец-то достала один из истребителей,

тот изменил курс, уходя обратно к кораблю. Единственная – остальные уже были уничтожены. Вторая партия вовремя ушла с расстояния в тысячу километров, и тут же блок управления огнём перестал отвечать. Контроль над штурмовиком я потерял.

Выстроившиеся шестиугольником истребители сформировали в центре образовавшегося цветка условный центр масс, а потом, когда торпеды, потерявшие связь с нашим летательным аппаратом, в нем увязли и потеряли цель, в свою очередь, вдарили по штурмовику. Хорошо, что мы успели отлететь достаточно далеко, взрыв был сильный и отлично видимый.

– Вовремя мы оттуда убрались, – сказал я равнодушному телу на буксире. – Акт второй.

Челнок и штурмовик разделяли какие-то сотни километров, пять истребителей повернули обратно, к базе, а один, чуть изменив курс, пролетел почти впритык, и в космосе, где-то в стороне от нас, появился ещё один яркий объект.

– Мы умерли, – продолжал я комментировать. Два скафандра с маскировкой в пустоте практически не видны, обнаружить их можно, только если точно знаешь, что надо искать именно в этом месте, мы двигались к кораблю, и оставалось только надеяться, что тем, кто управляет истребителями, лень нарезать круги по безвоздушному пространству. – Мир нашему праху.

Так и получилось. Последний истребитель вернулся на ба-

зу, пролетев от нас так, что только руку протянуть, двадцатикилометровую. Те пять, что уже были там, ненадолго зависли, видимо, подбирая пилота из повреждённого бота, и, дождавшись шестого, начали разгон в сторону звезды.

Десантный скаф был оборудован обычным маневровым двигателем, и если бы мы просто висели в пространстве, то его бы хватило, чтобы подлететь к кораблю. Но мы летели со скоростью почти в двадцать километров в секунду, уходя от цели чуть в стороне и заходя ей в зад – если смотреть то направление, куда корабль двигался. По моим прикидкам, с учетом собственного вектора движения нашей базы, пролететь мы должны были буквально в пяти километрах, в вакууме скорость нашу никто не ограничивал, так что затормозить не было почти никакой возможности.

Я мог бы пострелять из десантной пушки, но импульсов для полноценного сброса скорости явно не хватало. Так что пришлось опять воспользоваться маневровым. Постепенно корректируя курс, наша с Йоланой сцепка направилась прямо к кораблю. Но не точно в него.

Пришлось рискнуть. Если модуль до сих пор был на месте, и показатели сканера масс на зондах вращались, мы, считай, уже превратились в органическое месиво – скафандр тоже имел предел прочности. Других вариантов не было, энергетический страховочный захват такой скорости бы не выдержал все равно, хотя относительная была ниже абсолютной

в десять раз. И через двадцать две минуты после того, как челнок взорвался, мы врезались в обманку.

Материал, из которого был сделан кожух, выдержал, скафандры – тоже. Километровое облако спружинило, принимая нас в свои неласковые объятия, от перегрузки я почти не потерял сознание, а когда кое-как пришёл в себя, мы болтались рядом с базой. Захват плотно приклеил нас к оболочке, которая даже не повредилась, оставалось только пробраться на корабль. Где нас должны были ждать еда, вода, медкапсула и, наверняка, враги.

В наш корабль можно было зайти через ангар, где хранились и обслуживались штурмовики, через шлюз снабжения, постоянно закрытый, и через пробоину в десантном отсеке, которую я впервые увидел, когда Тойо с подружкой вели меня к сенарду. Будь Йолана в сознании, я бы с ней посоветовался, может, какие-то тайные тропы существовали, но напарница признаков жизни не подавала, даже аптечка считала её мёртвой. Значит, часть биоадаптеров уже отключилась, остались только встроенные в синтетический организм приспособления, поддерживающие работу мозга на минимальном уровне. Мозг на запросы аптечки ожидаемо не отвечал – все-таки обычная черепушка и многослойная защита, это две большие разницы.

Пришлось рискнуть. Кое-как пробравшись по корпусу корабля к десантному отсеку, я осторожно выпустил зонд-раз-

ведчик, в скафе было два таких, с небольшим радиусом действия. Внутрь запускать его не стал, отправил по контуру пробоины, на первый взгляд внутри было тихо и спокойно. Несколько тел, явно неживых, судя по повреждениям – у одного не хватало головы, висели в вакууме. Значит, и вращение отключили, гравитация отсутствовала.

Но что-то мне в этом спокойствии не понравилось, бывает такое, что вот нет ничего особенного в приличном месте, бармен методично протирает бокалы, клерк среднего звена кидает в себя шот за шотом, сидя у стойки, девочки вешаются на клиента, на танцполе двигаются кто во что горазд, стриптизёрша спокойно собирает чаевые, а все равно, стрёмно соваться, и точно, через двадцать-тридцать минут начинается перестрелка, и ты сидишь под столиком, моля высшие силы, чтобы тебя не задело шальной пулей. Или заходишь в пустую якобы квартиру вслед за девушкой, и в середине процесса из пустоты появляется здоровенный негр с мачете, решивший вдруг вернуться домой, посмотреть, как там его подружка поживает, и ты отдаёшь и бумажник, и смартфон, и деньги с чип-кольца, потому что лезвие огромного ножа уже надрезало кожу на твоей шее.

Нет, определённо, интуиция у меня и раньше была.

Пробоина образовала небольшую полость в контейнере для энергодячек, туда я Йолану и поместил, закрепив фиксаторами, если помрёт, значит, такая у неё судьба, но специально я этому способствовать не буду. Даже наоборот.

И полетел к ангару, шлюз был открыт, но рядом ещё и технический проход был, через который можно было выйти наружу. Или войти.

Мембрана, задерживающая воздух, легко меня пропустила, снаружи атмосферы нет, это в другую сторону она была жёсткой и неуступчивой. А вот в нужную мне – поддалась. В ангаре были и воздух, хоть и довольно разреженный, и небольшая гравитация, но от скафандра я избавляться не спешил. Прямо напротив шлюза оставался один сигарообразный штурмовик, возле него стоял незнакомый мне человек в синем скафе, такой я у солдат Конфедерации видел, с убранным шлемом и готовым к атаке оружием – закреплённые на предплечьях излучатели и кинетическая установка на плече. Возле ближней переборки двое в комбинезонах техников что-то сортировали в ящике.

Меня пока никто не заметил, но это был лишь вопрос времени, хоть и с отключённой системой опознавания, скаф все равно оставался оружием, на которое другой скаф должен был среагировать, только я пересеку невидимую черту, до которой оставалось метра два. Или прицельюсь, действовать надо было быстро.

Чужой боец дёрнулся, выворачивая правую руку к проходу, почти в мою сторону, я было уже поставил защиту, как вдруг в ангаре появились двое синтов из пилотов, не вступая в переговоры, они тут же открыли огонь из энергетических пистолетов – тупой поступок, с тем же успехом

они могли из рогатки пулять. Двое техников спрятались за ящик, прочный, заряд, который в него попал, только дыру прожег. Боец, не заращивая шлем, и не двигаясь, выпустил веер стрелок-ракет, добавив очередью плазмы. Бой получился коротким и совсем не зрелищным, защиты у синтов не было, и плазма легко прожгла комбинезоны, а короткие снаряды просто разорвали жителей Союза на кусочки.

Но этого времени мне хватило, чтобы включить целенавешение, и выпустить собственные ракеты. Пять штук одна за другой ушли прямо в бойца. Не знаю, как тот среагировал, вскинув руку, и выпуская облако защиты, только все пять взорвались буквально в метре от него. Противника откинуло назад, легкий скаф и слабая гравитация сыграли против бойца – фиксаторы на подошвах в случае опасности тут же отключались. И вот тогда шестая ракета разнесла его голову на кусочки.

– Первый – пошёл, – я оттолкнулся, изображая перекат, и выпустил очередь в высунувшихся техников.

Докатился так до штурмовика, и скрылся за ним, держа двух вероятных противников на прицеле.

Те тоже затаились, но потом не выдержали.

– Эй, – позвал один из них, стараясь говорить как можно громче – в разреженном воздухе звук распространялся слабее. – Ты ведь из оставшихся? Парень, мы свои, этот гад заставил нас делать то, что он говорил. Смотри, у нас нет оружия.

Он приподнялся, показывая, что руки пустые, а на держателях комбинезона нет ничего, кроме ремонтного оборудования. Оно тоже могло урон нанести, но только не мне.

Второй тоже вылез, демонстрируя мирные намерения. Оба скалились, потихоньку подходя поближе.

– Стоять, – скомандовал я, и техники замерли.

– Можно, мы пойдём? – первый махнул рукой в сторону ангара. – Спасибо тебе, что спас. Эти сволочи увели большую часть команды, а нас оставили ждать какой-то штурмовик, который не взорвался. Но они и его уничтожили недавно. Там ещё выжившие есть, мы должны помочь.

– Сколько? – спросил я.

– Что сколько?

– Выживших сколько?

– Семеро. Нет, теперь пятеро, не считая нас, – охотно ответил второй. – Двое тяжёлые совсем, если в медотсек не доставить, умрут.

– Медкапсула на месте?

– Да, они её брать не стали, в том модуле, который угнали, новых моделей три десятка было, – второй всем видом показывал, что он – друг и вообще хороший человек. – Мы сначала подумали, что ты их тех, других, у десантников, которых выгнали, такие же скафы.

Затемнённый шлем не давал им увидеть моё лицо.

– А вы почему остались?

– Политические разногласия, – сплюнул первый. Получи-

лось это у него хреново, склизкая капля полетела в мою сторону.

Я выстрелил несколько раз плазмой, уходя за корпус, и уже оттуда выпустил ракету. И тут же рядом со мной взорвалась кинетическая граната, осколки брызнули, огибая выставленный энергощит, и градом застучали по корпусу штурмовика.

Активируя двигатели, взмыл вверх, выпуская ещё одну очередь зарядов в появившегося из прохода бойца. Тот был вооружён получше первого, но похуже меня, скаф у него был хоть и боевой, но не такой тяжёлый, и все равно, в своей победе я был совершенно не уверен. Новый противник двигался быстро, используя все доступные способы атаки, пока я раздумывал, что делать. Ещё одна граната вылетела в мою сторону, как я сбил её прямо на лету, не знаю, тут словно какое-то десятое чувство опасности включилось. Действуя на автомате, перевёл ракетницы в ручной режим, отключив целеуловитель, и выпустил во врага. Совершенно не туда, где он должен был быть. Но почему-то именно там он и оказался, два попадания его скаф выдержал, а вот третье – пробило щиты, и оставшиеся две ракеты взорвались уже внутри, превратив противника в фарш.

Повернулся к техникам – вовремя, те всю уже целились в меня из пистолетов. Явно местная атмосфера отупляет, то синты, теперь эти придурки наивные, разве с нами, десантом, можно так самоуверенно себя вести. Поймал себя на

мысли, что почему-то считаю себя настоящим космическим десантником, прям как мой предок-негр. И бросил в техников фиксаторы, те пристрелили их ботинки к полу ангара. Тут меня словно отпустило, какая-то слабость даже накатила, до дрожи в коленях.

– Мы все объясним, – заорал второй техник. – Мы просто испугались. Вот.

И он бросил пистолет в сторону шлюза. Первый сделал то же самое, разводя руки в стороны.

– Нет, не надо, – я осветлил шлем, и, глядя прямо в широко открытые глаза республиканцев, ещё недавно комплектовавших мой штурмовик, одиночными выстрелами превратил их головы в спёкшиеся бурые комки.

Глава 6.

Около штурмовика я ненадолго задержался, отправив оба зонда на облёт корабля. Заодно поругал себя нехорошими словами, хотя бы одного техника надо было оставить для допроса. И тут же похвалил, как вести допрос, я все равно не знал, не учили меня этому, работа старателем среди астероидов, а потом охранником таких навыков не требует – в крайнем случае задержать, в обычном – убить или убежать. Зато то, что оставлять за спиной врагов нехорошо, в меня вбивали и там, и там.

Кроме трупов, лежащих и летающих в переходах и открытых помещениях, зонды ничего не обнаружили. Медицинский отсек был закрыт, так же, как и многие другие, живых людей не наблюдалось, так что я решил рискнуть. Вернулся к дыре десантного отсека, отцепил тело Йоланы, и потащил за собой, то и дело натыкаясь на погибших. Большая часть тел принадлежала жителям Союза, синта убить тяжело, но те, кто этим занимались, справились. Немодифицированных просто пристрелили, а тем, кто уже заменил тело, прожарили мозги энергетическим оружием. Тщательный осмотр я оставил на потом, или скорее на никогда, понятно было, что с корабля, скорее всего, придётся сваливать, те, кто все это сделал, могли вернуться, когда обнаружат, что оставшиеся

здесь за ними не последовали.

Проход в медотсек на разблокировку никак не реагировал, я и ладонь прикладывал, и ногой стучал, и кулаком в тяжёлой десантной перчатке оставлял вмятины, тут же выправлявшиеся, ни в какую. Пришлось резать переборку, квантовый луч с трудом справлялся с преградой – защищён отсек был, наверное, лучше, чем сам корабль. Первый слой я прошёл довольно быстро, меньше чем за минуту, а вот на остальные три потребовалось минут двадцать пять и половина заряда одного из картриджей. Под конец выбил ногой образовавшийся круг, и тут же отпрянул в сторону, уходя от выстрелов.

– Считаю до пяти, и потом выпускаю ракеты, – предупредил того, кто засел внутри. – Раз..

– Дэн, это ты?

– Дэн – это я, – подтвердил, пригибаясь – отверстие получилось на уровне живота. – Тойо, жив?

– Как видишь, – синт-доктор посторонился, пропуская меня внутрь, и глядя, как я затаскиваю Йолану. – Не ожидал, что вы вернётесь, тут такая заварушка была. Что с ней?

– Похоже, померла, – я опустил тело на пол. – Но очень просила до медкапсулы донести, так что я последнее желание боевого товарища выполнил, и совесть моя спокойна. Что тут произошло?

– погоди, давай сначала нашей подругой займёмся, – пока мы говорили, Тойо уже вскрыл скаф моей напарницы, при-

ложил к шее диагност. – Капсула освободится только через час, но на этом этапе особой спешки нет. Смотри, видишь на схеме красные отметки, сейчас я их приближу. Вот, только структурные повреждения, разрыв связей, биоадаптеры разрушены, сигналы мозга слабые, но отчётливые. Ничего страшного.

– Уверен?

– Да. Мы, синты, живучие, особенно если тело стоит несколько миллионов кру, не считая модификаторов. И это у неё не самый дорогой вариант. Пусть лежит, а мы с тобой поищем подходящего донора. Раз ты сюда добрался, то живых на станции больше нет?

– Не знаю. Как раз собирался проверить. Ты сиди здесь, – я приложил вырезанный круг обратно к переборке, – а я скоро вернусь. Говоришь, доноры нужны. Любой подойдёт?

– В теперешней ситуации – да, – Тойо очень натурально изобразил огорчение. – Вообще искусственное тело до конца уничтожить трудно, если мозг остался цел, и в нижней части головы аварийный стабилизатор сработал, то оно при подпитке может и само восстановиться, только на это могут десятки дней уйти, да и не факт, что после разумное существо получится – ресурсы при необходимости может даже из воздуха получать. Так что сначала неси тех, у кого повреждён мозг, вот они точно умерли, на запчасти сгодятся.

– Любых?

– Ну если будешь выбирать, то лучше тех, у кого жидкость

похожа на обычную кровь. У таких обычно биоадаптеры самые дорогие стоят, со своим блоком восстановления нервных окончаний. Среди наших таких было трое всего, и, вроде, они должны ещё здесь оставаться. А потом остальных, может удастся ещё кого спасти. Держи, это диагност, прикладываешь к шее, он покажет, работает ещё мозг или уже нет.

– Хорошо, – я разблокировал проход, – Тойо.

– Да?

– Не знаю, как так получилось, что ты жив, но лучше мне в спину не стреляй. Тут уже были такие активные ребята, так они теперь мертвы, причём окончательно, без вариантов восстановления. А тебе ещё Йолану лечить.

Не поленился, обошёл помещения, сколько мог – особенно те, куда в первый раз не добрался. Многие каюты были закрыты, но свободно открывались, демонстрируя отсутствие хозяев и их вещей. А вот в тех, что изначально были открыты, в основном находились трупы – как республиканцев, так и жителей Союза, причём последних – в разы больше. Повреждения у всех были примерно одинаковы, нападавшие пользовались кинетическим оружием, повреждая тела. Потом простреливали череп, у синтов дополнительно поджаривали мозги, диагност исправно записывал найденных обитателей станции в мертвецы, только двое вроде как подавали признаки жизни, их я пометил, чтобы потом вернуться. Чужаков мне не попалось ни одного – значит, те, кто захватил

модуль, или вообще потерь не понесли, или своих с собой забрали.

Так, потихоньку, я добрался до рубки сенарда. И там тоже обнаружил два тела, самого командира нашей бывшей колонии, и одного из синтов-помощников – того самого, который на обычного человека был похож до степени абсолютной идентичности. Даже диагност не стал прикладывать, и так было все понятно, голова сенарда небольшими фрагментами валялась по всей рубке, а у синта мозг целиком валялся рядом, аккуратно извлечённый и качественно прожаренный, черепная коробка была вскрыта. Рядом с обоими было много крови, красной, натуральной и искусственной вперемешку, значит, этот бывший заместитель, по уверениям Тойо, для трансплантации мог подойти.

И я надеялся, что эта пересадка органов затронет не все тело, как-то уже привык, что Йолана женского пола.

Куда больше, чем трупы, меня привлекла выдвинутая из стены панель управления кораблём, в разъем авторизации был вставлен кристалл, который я видел у сенарда на шее, сам он это сделал, или ему помогли. не так уж и важно, главное, теперь и я мог воспользоваться этой штукой в своих личных целях. Подвесив зонды у прохода, чтобы не проворонить какого-нибудь случайно оставшегося на корабле гостя, живого с и оружием, вывел данные состояния базы.

Корабль был скорее мёртв, чем совсем мёртв. Запасы воды никуда не делись, значит, с кислородом и рабочим телом

для двигателя проблем не возникало, зато с энергией, для этого необходимой, их было хоть отбавляй. Главный реактор работал на последних каплях топлива – в буквальном смысле этого слова. Их могло хватить ещё лет на десять, если расходовать очень экономно, но для этого от большей части корабля следовало избавиться, и как можно скорее. Из сорока дронов, занимавшихся обслуживанием, оставалось два, зато оборудование столовой было в полном порядке, вот только органики для переработки не хватало даже на одного, если эти десять лет сидеть. А пускать на это дело трупы я пока не решался.

Передвигаться самостоятельно корабль не мог, двигатель, и раньше кое-как работавший, теперь вообще отключился, и без достаточного количества энергии и снятых с него важных узлов обратно включаться не собирался. Так же, как и энергетические щиты, которые не только в бою были нужны. Столкновения в космосе крайне редки, и вероятность того, что какой-нибудь астероид попадёт прямо по нашему временному дому, стремилась к нулю, но излучение местного светила никуда не делось, и первый же его всплеск мог доставить много неприятностей. Без скафа в этом могильнике находиться не рекомендовалось.

Траектория, по которой корабль двигался, в конечном счёте должна была привести его к столкновению со второй планетой системы, но это случится через полторы тысячи лет, так далеко вперёд я не заглядывал.

Зато очень хотел заглянуть назад, раз уж такая возможность подвернулась.

Вызвал журнал, поискал запись о том, как меня доставили на борт – казалось бы, совсем недавно, а столько событий произошло. Отыскал на карте системы точку, где Йолана меня спасла, экстаполировал её с учётом года в космосе. Эту информацию комм не сохранил, а вот место, где наш челнок разорвало ракетой Союза, оставил в памяти. Так же, как и время, которое мы летели с планеты до этой самой точки.

– Вывести траекторию, – скомандовал я, задействуя навигационный блок – хоть что-то на этом корабле работало.

На появившемся изображении звёздной системы корабельный искин прочертил линию, повторявшую наш путь с планеты, отметил, где произошёл взрыв, и продолжил дальше мой автономный полет.

Добавил в данные вес груза, ещё двух пассажиров, место в челноке.

– Показать возможные пути разлёта.

Эри, сидевшую посередине, унесло не так уж далеко от меня. Сейчас, если её никто до сих пор не обнаружил, блондинка должна была находиться в том же секторе космоса, где и меня подобрала. А вот Чесси почему-то швырнуло от нас достаточно далеко.

Груз вообще почти с траектории движения челнока не ушёл, если ничего не изменилось, сейчас он двигался в пустоте в сотнях миллионов километров от меня, почти войдя

в пояс астероидов. Если даже предположить, что мозг корабля не ошибся, достать его будет трудновато.

– Подсветить пояс астероидов. Вывести самые крупные. Применить относительные координаты. Стереть. Стереть. Оставить.

Корабль послушно вносил в журнал исправления. Но не факт, что кто-то не попробует восстановить то, что я делал, хоть и практической пользы от груза нет никакой, но все равно – жалко. Зря я, что ли, пытался челнок угнать.

– Сделать копию. Стереть.

Копия журнала пришла мне на комм, а сообщение о том, что стирать такие вещи всякие проходимцы навроде меня не могут – высветилась в воздухе.

– Показать запись за последние сутки.

Внутренние камеры были для меня недоступны, а вот то, что творилось снаружи, я смог посмотреть.

Сначала корабль просто летел в пространстве, я мог приблизить его, рассматривая в деталях, или отдалить так, что он просто помечался искоркой на изображении системы. Двигатель работал в режиме торможения, и скорость постепенно замедлялась. Через какое-то время из корабля вылетели восемь штурмовиков, ускорившись, пропали из виду, потом ещё пару часов ничего не происходило, корабль продолжал идти к конечной цели, постепенно синхронизируя движение с находкой. И наконец пристыковался к модулю, который никуда пока не делся. Ещё через час в зоне видимо-

сти появился корабль, раза в два больше нашего, и завис на минимальном расстоянии от сцепки. Судя по тому, что он-то как раз не тормозил, висел здесь в режиме маскировки уже какое-то время. Снова все замерло, ещё часа на полтора, потом в корабле образовалась пробоина, через которую вылетели два тела. От нового корабля к нашему направились два челнока, залетевшие прямо в дыру в десантном отсеке.

Я домотал до того момента, как появился наш штурмовик, и вражеские истребители понеслись в атаку, чужой корабль вместе с модулем к этому времени уже улетел.

– Оперативно они это все провернули, – сказал сам себе, – показать настройки.

– Две скрытых команды, – доложил мозг корабля. – Выполнение начнётся через шестнадцать часов общего времени.

– Показать.

Никто мне ничего не показал, информация была недоступна. Но, если сложить то, что я видел, и то, что успел узнать, десантников все-таки нашли. Потом те, кто был против объединения с новой командой, остались на нашем корабле в виде трупов, а остальные, как пленные, или добровольно, судя по техникам, скорее всего – второе, бросили малоценное имущество.

В принципе, пока мне в рубке особо делать было нечего, поэтому не поленился, сходил в отсек к ассенизаторам – тех

вполне ожидаемо на месте не было, и позаимствовал платформу. Даже в условиях слабой гравитации с ней было гораздо удобнее. Переложил на платформу синта-помощника, по дороге зацепил двух кандидатов на лечение, и четырёх синтов, наиболее сохранившихся в качестве доноров, дообследовал те каюты, где ещё не побывал, не нашёл ничего ценного, и через полтора часа вернулся в медотсек.

Тойо был на месте, причём не один, а со своей подружкой. Тойоле мне слабо улыбнулась, скорее, как дань человечности, у синтов не бывает усталости мышц, или работают, или нет.

– Йолана в капсуле, – не дожидаясь вопросов, сказал медик. – Один биоадаптер нужно точно имплантировать полностью, а остальные два могут и сами восстановиться, только нескоро. Всё не так хорошо, как на первый взгляд. Кого ты там приволок?

– Леас Луоли, – Тойола даже привстать попыталась, но тут же грохнулась обратно на реабилитационный стол. – Хороший был человек, только глупый.

– Почему? – просто чтобы поддержать разговор, спросил я.

– Он мёртвый, мы – живые, – объяснил за подругу Тойо. – Да и вообще, сенард подбирал себе помощников так, чтобы они его не сместили. Только с Майло ошибся. Помогите мне, клади тело вот сюда, на плиту.

Сканирующая подложка засветилась, Тойо опустил веки,

замер.

– Отлично, нужный адаптер почти подходит, и остальные два можно пересадить, вместе они быстрее восстановят связи. Я бы все тело заменил, но тут оборудование так себе, может, потом.

Из стены выдвинулась половина шара, опустилась на грудь донора, и словно присосалась к коже.

– Через пять минут адаптер отделится от нервных тканей с одной стороны, и от проводящих элементов с другой, и можно имплантировать. Семь общих суток, и будет твоя Йолана почти как прежняя, а само приживание вообще несколько часов займёт. Давай теперь посмотрим остальных двух.

Оба синта были серьёзно повреждены, но, по уверениям Тойо, мозг сохранился, сопряжение – тоже, тела были средней паршивости, без стимуляции в капсуле не обойтись. Зато потом мы получим двух техников-наладчиков, которые смогут сделать что-то полезное. Например, починить двигатель.

– Тойо, – ласково сказал я.

– Что?

– Теперь, когда я свой человеческий долг исполнил, расскажи-ка мне, как ты и твоя подруга остались в живых.

Тойо не только рассказал, но и показал.

Самый страшный враг – внутренний. Как только наш корабль пристыковался к найденному модулю и пристыковаться, через шлюз ворвались десантники- республиканцы, жи-

вые и здоровые, а на самом корабле началось восстание. Точнее говоря, избиение несогласных. Те немногие синты и республиканцы, которые хотели сохранить независимость колонии, быстро были уничтожены своими же вчерашними товарищами, помощь десанта для этого не потребовалась, те наоборот, стояли и следили, чтобы жертв было как можно меньше – убивали не только тех, кто был против разделения, но и старые конфликты между отдельными людьми наконец смогли логически завершиться.

. Несколько синт-пилотов попытались организовать сопротивление, их разнесли буквально на кусочки, это их ошмётки я видел в десантном отсеке, а потом на записи посмотрел, как этот процесс происходил, в деталях – двое десантников против пятерых пилотов управились меньше чем за минуту, те даже не защищались почти.

Руководил всем этим Майло, и его слушались и жители Союза, и республиканцы. Сенарда и второго помощника убили почти сразу, даже не пытаясь привлечь на свою сторону. Майло лично вскрыл черепную коробку боевого друга и вытащил оттуда мозг. Такое впечатление, что заговор зрел уже давно, и не хватало только маленького толчка, чтобы тут кровавое побоище случилось.

В самый разгар зачистки появился ещё один корабль, модуль отстыковали, сепаратисты перешли со старого корабля на новый, зачем-то создали обманку, и улетели, оставив небольшую команду.

С которой я вроде как разобрался.

Тойолу подстрелили в самом начале, причём кто-то из своих, медики, как только началась заварушка, не собирались принимать ничью сторону, но там уже личные мотивы вплелись, несколько недоброжелателей из пилотов припомнили парочке старые обиды. Тойо в последний момент успел затащить продырявленную в нескольких местах подружку в медотсек и заблокировать его, а потом просто наблюдал с доступных точек, что происходит. Про нихк даже и не вспомнили, видимо, ни сами медики, ни оборудование для новых друзей колонии интереса не представляли.

За то время, пока Тойо мне все это рассказывал, он вскрыл Йолану, вытащил из неё какие-то комки с торчащими нитями, распотрошил помощника стенарда, извлёк из него похожие запчасти, и запихнул в синт-пилота – руками, стерильностью тут и не пахло. Потом насадкой на указательном пальце зарастил кожу, и с моей помощью перетащил Йолану в капсулу.

– Ей нужно четыре часа, чтобы адаптеры захватили нужные отводы от мозга, и срастили с проводящими каналами тела, – объяснил он. – Не беспокойся, замена тел – это наша с Тойолой специализация, я знаю, что делаю. Пока мозг жив, все остальное можно нарастить. Потом двадцать-тридцать часов на восстановление функций тела, неделя на полную адаптацию, и всё, будет как новенькая. Внутреннюю жидкость капсула сама заменит, из того, что осталось в до-

норе, вырастит достаточное количество, и проследит, чтобы первоначальное сопряжение как надо прошло. А мы пока займёмся вот этими двумя выжившими. Два техника, очень неплохо. Давай, дорогая, вставай, я же вижу, ты уже почти нормально двигаешься.

Тойола попыталась ещё раз изобразить слабость, но под строгим взглядом напарника слезла с реабилитационного стола, и принялась помогать.

– Надо узлы питания заменить, и один адаптер пересадить, – Тойо распотрошил выживших, и занимался примерно тем же с мертвецами, работали они аккуратно, наверное, так маньяки свежуют своих жертв – экономными и точными движениями разделяя человека на кусочки. Выглядело это жутковато. – Вроде всё. Капсула у нас, к сожалению, одна, так что подождут. На каждого по три часа, а может и за два управимся.

– Резервное питание подключила, – Тойола заростила второго синта, запасные части, если так можно назвать бывших людей, убрали в специальную камеру, как Тойо сказал – на будущее.

– Насчёт будущего, – вспомнил я. – Не уверен, что оно есть. Блок управления сообщил, что через шестнадцать часов тут что-то случится, но нужного допуска у меня нет.

– Сейчас проверю, – у медика даже свой пульт управления, оказывается, был – чёрная пластина, появившаяся на стене, отреагировала на ладонь синта. – Нет, нужен специ-

альный ключ, у сенарда такой на шее был.

– Этот? – я протянул кристалл.

Глава 7.

– Это очень нехорошо.

Я кивнул, Тойо абсолютно верно подметил. Через четырнадцать часов должен был активироваться подпространственный аварийный маяк. Зачем это нужно похитителям, непонятно, но результат все равно был вполне предсказуем. Прилетят чужаки и на месте корабля, а заодно – и нас останется пространство с мелким мусором.

– Отключить нельзя?

– Можно, – медик вместе со мной шёл к рубке сенарда. – Если знать, как. Распоряжение, судя по всему, отдал бывший командир, может, поэтому так быстро захватчики свалили отсюда.

– Почему с отсрочкой?

– Не знаю. Сенард вообще был странным человеком, слишком гуманным для республиканца, наверное, пожалел тех, кто тут остался в живых.

– А второе?

– Только одно смог посмотреть, у меня доступ ограниченный, так, приходилось заказывать на складе разные мелочи. У твоей подружки должен быть, она же заместитель, но очнётся она ещё не очень скоро. Четыре часа – при благоприятном лечении, если сложности возникнут, может и дольше

проваляться.

– Значит, будем исходить из того, что у нас только четырнадцать часов, – я отмахнулся от какого-то ошметка, плавающего в воздухе, реактор постепенно подышал, и гравитация во многих отсеках отключилась. – В ангаре стоит штурмовик, те, кто ещё оставался, хотели на нем улететь. Можем воспользоваться им.

– Можем, – кивнул Тойо, – только куда мы полетим? До планеты добираться не меньше сорока дней, и что там творится, я не знаю.

– Ничего хорошего, – успокоил я его. – Как и везде. Так что выбора особого нет.

Заодно и себя успокоил, временно. Было что-то такое в поведении и словах Тойо, или даже нет – в нём самом, словно он говорил правду, только не всю. Опять моя выдуманная эмпатия проявилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.